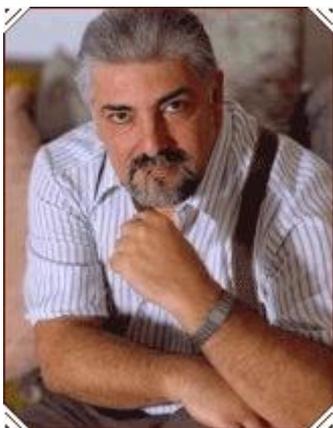

Хорхе БУКАЙ ИСТОРИИ для размышлений Способ понять себя и других

Сказки СЛУЖАТ для того,

чтобы УБАЮКИВАТЬ детей

и чтобы БУДИТЬ взрослых.

Аргентинский психолог

Хорхе БУКАЙ

за годы практики нашёл ответы на многие вопросы, которые волнуют каждого из нас.

Учитель суфийской мудрости всегда рассказывал притчу в конце каждого урока, но ученики не всегда понимали ее суть...

— Учитель, — обратился к нему однажды вечером ученик, — ты рассказываешь нам истории, но не объясняешь их значения.

— Прощу прощения за это, — извинился учитель. Позволь мне в знак признания своей ошибки угостить тебя вкусным персиком.

— Спасибо, учитель, — радостно ответил ученик.

— Я бы хотел сделать тебе приятное и сам очистить этот персик. Ты не возражаешь?

— Большое спасибо, — ответил ученик.

— Хочешь, я порежу его тебе на кусочки, чтобы было удобнее есть?

— Конечно... Но я не хочу злоупотреблять твоим великодушием, учитель....

— Это не злоупотребление, ведь я сам тебе предлагаю. Я лишь хочу сделать тебе приятное... Позволь мне и разжевать его прежде, чем ты его получишь...

— Нет, учитель. Я не хочу, что бы ты это делал! — ответил удивленный ученик.

Учитель помолчал.

— Если бы я объяснял суть каждой истории, это было бы все равно, что предлагать вам разжевать плод за вас.

Искатель

Как-то, заканчивая нашу беседу с небольшой группой, я, как обычно, рассказал на прощание одну историю. К моему удивлению, один человек из группы попросил слова и предложил подарить мне свою историю. Этот рассказ мне очень понравился, и я решил записать его в память о своем друге Хае Габоне.

Это история об одном человеке, которого я назвал бы искателем...

Искатель — это тот, кто что-то ищет; не обязательно тот, кто находит. Это также и не тот, кто обязательно знает, что именно он ищет. Это всего лишь тот, для кого собственная жизнь — это поиск.

Однажды искатель забеспокоился и подумал, что надо бы ему посетить город Каммир. И начал собираться в путь. Он научился придавать большое значение тем чувствам, которые приходили к нему из неизведанных глубин его души. Вот поэтому-то он оставил все свои дела и отправился в дорогу.

Через два дня пути по пыльным дорогам он уже смог увидеть вдалеке очертания Каммира. Справа от тропинки по направлению к городу на возвышении просматривался какой-то зеленый остров, который привлек его внимание. Подойдя поближе, он обнаружил, что это холм с множеством восхитительных деревьев, птиц и цветов, окруженный небольшой изгородью из полированной древесины. Полуоткрытая бронзовая дверца словно приглашала его войти.

Он на время позабыл о городе, о том, куда и зачем он шел, и поддался соблазну немного отдохнуть в этом месте. Искатель вошел внутрь и стал неспешно продвигаться меж белых камней, которые как будто в случайном порядке были уложены среди деревьев.

Его взгляд, словно бабочка, порхал и останавливался на каждой мелочи этого разноцветного рая.

Его глаза были глазами искателя, они были открыты навстречу всему неизведанному, и, возможно поэтому, он обнаружил такую надпись на одном из камней:

Абдул Тарег,

прожил 8 лет, 6 месяцев, 2 недели и 3 дня.

Он невольно вздрогнул, поняв, что это был не просто камень, а надгробная плита.

Он почувствовал жалость при мысли о том, что ребенок прожил так немного.

Оглядевшись, искатель увидел, что и на соседней плите тоже есть надпись. Он приблизился, чтобы прочитать ее. Надпись гласила:

Ямир Калиб,

прожил 5 лет, 8 месяцев и 3 недели.

Искатель был потрясен. Это прекрасное место было кладбищем, а каждый камень — могилой. Одну за другой принялся он читать надписи.

Все они были схожими: имя и скрупулезно подсчитанное время жизни.

Но самым ужасным оказалось то, что человеку, прожившему дольше всех, было чуть больше одиннадцати лет.

Сильно опечаленный этим открытием, он сел и заплакал.

К нему подошел проходивший мимо смотритель кладбища.

Заметив, что искатель плачет, он спросил, не оплакивает ли он какого-либо родственника.

— Нет, не родственника, — ответил искатель. — Что здесь происходит? Что случилось в этом городе? Почему столько детей похоронено в этом месте? Что за проклятие лежит на этих людях?

Старик улыбнулся и сказал:

— Успокойтесь. Никакого проклятия нет. У нас есть древний обычай. Хотите, я расскажу вам о нем...

И он начал свой рассказ:

«Когда юноше исполняется пятнадцать лет, родители дарят ему книжечку. Таковую, как у меня. Ее носят на шее. С этого момента каждый раз, переживая что-то очень приятное, открываешь книжечку и записываешь в ней:

Слева — что вызвало наслаждение.

Справа — сколько длились эти мгновения.

Такая вот традиция.

Например, ты познакомился с девушкой и влюбился. Продолжительной ли оказалась радость знакомства? Сколько длилась безумная страсть? Неделю? Две? Три с половиной?

Затем — волнение первого поцелуя... это необычайное удовольствие. Как его измерить?

Полторы минуты? Столько, сколько длится поцелуй? Или еще. Добавить переживания, связанные с ним, его послевкусие. Два дня? Неделю?

Потом — рождение первого ребенка...

А свадьба друзей?

А долгожданное путешествие?

А встреча с братом, который вернулся из далекой страны?

Сколько было отпущено наслаждений?

Часы? Дни?

И так мы отмечаем в книжечке каждый момент радости... Каждое мгновение.

У нас так заведено:

Когда кто-то умирает,

нужно открыть книжечку

и сложить время наслаждения,

чтобы записать его на могиле.

Потому что для нас только это и есть действительно ПРОЖИТАЯ ЖИЗНЬ».

Опасный враг

Идея написать эту историю пришла мне в голову, когда я слушал рассказ Энрике Марискаля. И тогда я позволил себе продолжить этот рассказ, чтобы получилась уже совсем другая история.

Давным-давно в одном очень далеком, затерянном королевстве жил король. Ему очень нравилось ощущать свое могущество. Но королю нужна была не только сама власть. Ему было необходимо, чтобы все вокруг восхищались его всеилием.

Как и мачеха Белоснежки, которой было недостаточно просто знать о своей красоте, король нуждался в зеркале, в котором бы отражалось его могущество. У него не было волшебных зеркал, но было множество придворных и слуг. И от них можно было узнать, вправду ли он самый могущественный человек в королевстве.

Все неизменно отвечали ему одно и тоже:

— Ваше Величество, вы очень могущественны, но вы знаете, что волшебник обладает силой, которой нет более ни у кого. Ему известно будущее.

В те времена алхимики, философы, мыслители, монахи и мистики назывались одним словом — «волшебники».

Король сильно позавидовал волшебнику своего королевства — о нем ходила молва, что он очень добрый и великодушный человек. Вдобавок народ любил его, восхищался и был рад самому его существованию — просто тому, что он жил в королевстве.

Совсем иная слава была у короля.

Может быть, как раз оттого, что ему все время было необходимо показывать, что он повелевает миром и даже самая малая песчинка в его королевстве зависит от его воли, король не был ни справедливым, ни сдержанным и вовсе не таким щедрым, как того бы хотелось...

Как-то раз король так устал от рассказов о народной любви к волшебнику, что сильно разозлился. Он поддался ревности и страхам, которые приносит с собой зависть. И задумал план: устроить большой праздник и пригласить на него волшебника. Во время торжественного ужина король попросит всеобщего внимания. Он вызовет волшебника в центр зала и пред лицом всех придворных спросит его: правда ли, что он может предсказывать будущее? Гостю придется либо ответить «нет», покончив таким образом со всеобщим восхищением, либо сказать «да» и подтвердить причину своей славы. Затем король попросит волшебника назвать дату собственной смерти. Тот назовет какой-либо день, неважно какой. И в этот миг король задумал обнажить свою шпагу и заколоть волшебника. Ток он убьет сразу двух зайцев: во-первых, навсегда отделается от своего врага, а во-вторых, докажет, что волшебник не мог предвидеть будущее и потому ошибся в своем предсказании. За один-единственный вечер будет покончено с волшебником и с мифом о его могуществе...

Тотчас же началась подготовка, и скоро наступил день праздника.

После большого застолья король приказал волшебнику выйти в середину зала и спросил у него:

— Правда ли, что ты умеешь предсказывать будущее?

— Немного, — ответил волшебник.

— И даже можешь предсказать свою судьбу?

— Скорее да, чем нет.

— Тогда я хочу, чтобы ты мне это доказал, — продолжал король, — в какой день ты умрешь? Назови дату своей смерти.

Волшебник улыбнулся, посмотрел ему в глаза и не ответил.

— В чем дело, волшебник? — спросил король, улыбаясь. — Ты этого не знаешь? Оказывается, это неправда, что ты знаешь будущее наперед?

— Дело не в этом, — ответил волшебник. — Я не решаюсь сказать тебе то, что я знаю.

— Что это значит? — спросил король. — Я твой господин и приказываю тебе сказать мне об этом. Ты должен понять, как важно для королевства знать, когда мы потеряем своих лучших подданных. Так ответь мне — когда умрет волшебник королевства?

После напряженного молчания волшебник посмотрел на короля и молвил:

— Я не могу точно назвать тебе дату, но я знаю, что волшебник умрет ровно на день раньше короля.

На какое-то мгновение время остановилось. Ропот пробежал среди гостей.

Король всегда говорил, что не верит в магов и волшебников, что любым предсказаниям грош цена, но... он не решился убить волшебника.

Владыка медленно опустил руки и погрузился в молчание. Он задумался. И понял свою ошибку. Его ненависть оказалась плохим советчиком.

— Ваше Величество, вы побледнели. Что случилось? — спросил гость.

— Мне не хорошо, — ответил монах. — Я отправляюсь в свои покои. Благодарю тебя за то, что ты пришел.

Растерянный, он молча повернулся и отправился к себе.

Король подумал, что волшебник оказался весьма находчивым. Он дал тот самый, единственный ответ, который избавил его от смерти.

Насколько же точное предсказание он дал. А если это не так?

Король был растерян...

Король вернулся назад и громко произнес:

— Волшебник, ты известен в королевстве своей мудростью. Я прошу тебя провести эту ночь во дворце, чтобы утром знать твое мнение по поводу некоторых королевских постановлений.

— Государь! Вы оказали мне большую честь... — ответил гость с почтением.

Король приказал страже проводить волшебника в гостевые покои дворца и охранять его сон.

Той ночью владыка не сомкнул глаз. Он очень волновался, как бы волшебник не занемог от обильного ужина или с ним не приключилась какая-нибудь беда. Или, говоря попросту, — не настал ли его час.

На рассвете король постучал в дверь покоев своего гостя.

Еще ни разу в жизни ему не приходило в голову ни с кем советоваться, принимая решение. Но в этот раз, войдя к волшебнику, он задал вопрос... Ему нужен был какой-то предлог:

И мудрый волшебник дал ему удачный ответ.

Король, почти не слушая собеседника, похвалил своего гостя за находчивость и попросил его остаться еще на один день. Под предлогом, что ему нужно «посоветоваться» о другом важном деле... На самом же деле, король хотел знать, что с волшебником ничего не случится.

Волшебник, обладающий свободой, которая доступна только просветленным, согласился.

С тех пор каждый день, утром или вечером, король приходил в покои волшебника за советом и договаривался о новой беседе на следующий день.

Прошло немного времени, и король убедился, что советы волшебника всегда точны, и, в конце концов, сам не ведая того, он стал с ним считаться при принятии каждого решения.

Прошли месяцы, а за ними годы.

И как часто случается, *когда находишься рядом с мудрецом, становишься мудрее.*

Так и произошло. Король день ото дня становился все более мудрым.

Он перестал быть деспотичным и своевольным. Ему не было нужды ежеминутно искать подтверждения собственного могущества, и он перестал выставлять напоказ свою власть.

Он понял, что и у скромности есть свои преимущества.

Он стал справедливым и добрым правителем.

И народ полюбил его так, как никогда раньше не любил ни одного правителя.

Король теперь приходил к волшебнику совсем не для того, чтобы осведомиться о его здоровье. Он больше не искал надуманных поводов и приходил просто побеседовать.

Король и волшебник стали лучшими друзьями.

Прошло четыре года после того памятного праздничного ужина. И король вдруг, безо всякой причины, вспомнил, что тот человек, которого он теперь считал своим лучшим другом, был некогда его ненавистным врагом.

Вспомнил он и о плане убийства, которое замышлял. Он не находил себе места и понял, что больше не может держать это в себе, не чувствуя себя лицемером.

Король набрался мужества и отправился в покои волшебника. Постучал в дверь и, едва переступив порог, молвил:

— Брат мой, мне нужно признаться тебе в одном секрете, что гнетет меня.

— Говори и облегчи свою душу.

— В тот день, когда я пригласил тебя на ужин и задал вопрос о твоей смерти, я не хотел ничего знать о твоём будущем. Я нуждался в любви и поклонении и задумал убить тебя, каким бы ни был твой ответ. Я хотел, чтобы твоя смерть развеяла мифы о твоей славе пророка. Я ненавидел тебя за то, что все тебя любили. Мне так стыдно...

Король глубоко вздохнул и продолжил:

— Тем вечером я не решился тебя убить, и теперь, когда мы стали друзьями, даже больше чем друзьями — братьями, я прихожу в уныние при мысли о том, что бы я потерял, если бы поступил так. Я чувствую, что не могу больше скрывать свой позор от тебя.

Волшебник посмотрел на него и сказал:

— Прошло не мало времени, прежде чем ты на это решился. Я рад, что ты признался, потому что теперь могу тебе сказать: я знал это. Когда ты задал мне вопрос и схватился за рукоятку своей шпаги, твои намерения были так ясны, что не нужно быть предсказателем, чтобы понять твои замыслы.

Волшебник улыбнулся и опустил руку на плечо короля:

— В ответ на твою откровенность я тоже должен сделать тебе признание и сказать, что так же солгал тебе. Я придумал эту нелепую историю о взаимосвязи дней нашей жизни, чтобы это послужило тебе уроком. Уроком, который ты не мог усвоить до сегодняшнего дня. Возможно, это и есть самое важное, чему я тебя научил.

Мы идем по жизни, ненавидя и отвергая те или иные черты других людей, да порой, и свои собственные, считая их достойными презрения, ничтожными, ненужными или даже... опасными. Но время учит нас, как трудно было бы жить без того, что мы когда-то отрицали.

Твоя смерть, мой дорогой друг, придет точно в день твоей смерти, ни минутой раньше. Важно, чтобы ты знал: я стар и мой час неизбежно приближается. Не думай, что твой уход из жизни как-то связан с моим. Нас связывала жизнь, а не смерть.

Король и волшебник обнялись и отметили это подобающим образом, подняв бокалы за то взаимное доверие, которого им удалось добиться.

Легенда гласит, что загадочным образом

той самой ночью волшебник... умер во сне.

Король узнал о печальной вести на следующий день и был безутешен. Его печалила не мысль собственной смерти. Он научился у волшебника отрешенно смотреть на свое бременное пребывание в этом мире.

Он грустил из-за потери друга. Какое странное совпадение: король смог признаться во всем волшебнику вечером накануне его смерти?

Возможно, каким-то неизвестным способом волшебник заставил короля отважиться сказать об этом, чтобы помочь ему освободиться от страха умереть на следующий день.

Это был последний дар любви, чтобы избавить короля от прежних страхов...

Рассказывают, что король поднялся и сам выкопал могилу для друга в саду, под своим окном.

Там он предал тело земле, и весь день оставался у могильного холма, и плакал так, как можно оплакивать потерю самых близких людей.

Когда стало смеркаться, король вернулся в свои покои.

*Легенда гласит, что той самой ночью,
сутки спустя после смерти волшебника,
король умер на своем ложе во сне...*

Возможно, случайно...

Возможно, скорбя...

Возможно, чтобы подтвердить последний урок своего учителя.

Не желая знать

Если ты точно разлюбила меня,
прошу тебя,
пожалуйста,
не говори мне об этом!
Мне нужно сегодня
все еще
плыть
по морю твоей лжи, не ведая об этом...
Я усну с улыбкой
и очень спокойно.
Я проснусь
очень рано утром.
И снова выйду в море,
Обещаю тебе...

Но на этот раз,
без тени протеста и сопротивления,
я потерплю крушение,
по своей воле и, не придумывая отговорок,
в глубокой бесконечности твоего отказа.

Хуан Безногий (...или умение найти себе равных)

Хуан Безногий был дровосеком.

Как-то Хуан купил себе электропилу, надеясь, что она значительно облегчит его работу.

И так бы оно и было, если бы он сначала научился ею пользоваться, но он этого не сделал, думал, что и так справится.

Однажды утром, работая в лесу, дровосек услышал волчий вой и отвлекся... Электропила выскользнула у него из рук, и Хуан серьезно поранил ноги.

Врачи ничего не смогли сделать, чтобы спасти их, и Хуан Безногий, словно жертва своей говорящей фамилии, оказался на всю жизнь прикованным к инвалидному креслу.

Несколько месяцев Хуан горевал. Но время лечит. Спустя год его душевное состояние стало улучшаться. Однако что-то все-таки мешало его окончательному выздоровлению, и он снова впал в глубокую депрессию.

Врачи направили его к психиатру.

После недолгого сопротивления Хуан Безногий отправился на прием к специалисту.

Психиатр был любезен и спокоен. Он вызывал доверие. И Хуан рассказал ему о том, как потерял ноги, и о чем болела его душа.

Психиатр согласился с тем, что потеря ног — действительно серьезный повод для расстройства.

— Дело не в этом, доктор, — сказал Хуан. — Моя депрессия не та с потерей ног. Больше всего меня беспокоят те перемены, которые произошли в отношениях с моими друзьями.

Психиатр посмотрел на него, ожидая подробностей.

— До несчастного случая друзья заходили за мной каждую пятницу, и мы отправлялись на танцы. Раз или два в неделю мы собирались, чтобы искупаться в реке, а заодно и посоревноваться в плавании. Совсем незадолго до операции по выходным с друзьями еще бегали по утрам по морской набережной. И сейчас мне кажется, что из-за этого несчастного случая я не только потерял ноги, но и друзей — у них нет больше желания проводить со мной время. С тех пор никто из них меня никуда больше не приглашает.

Психиатр посмотрел на него и улыбнулся.

Ему стоило немалых усилий поверить в то, что Хуан не понимает, насколько абсурдны его мысли. Он удивлялся, но знал, что так бывает — человек не видит очевидного...

И психиатр решил объяснить ему, что же происходит на самом деле. Ему лучше других было известно, что из-за некоторых свойств своего разума человек оказывается неспособным понять явное и очевидное для окружающих.

Психиатр хотел, чтобы Хуан понял: друзья избегают его не потому, что плохо к нему относятся. А потому, что, как это ни печально, несчастный случай изменил действительность. Нравилось ли ему это или нет, но он уже не был идеальным товарищем для тех занятий, которыми они раньше вместе увлекались.

— Но, доктор, — прервал его Хуан Безногий, — я знаю, что могу плавать, бегать и даже танцевать. К счастью, я научился управлять своей коляской и мне все по плечу.

Доктор успокоил его и продолжил излагать свои доводы. Конечно, ничто не мешало ему увлекаться тем же, чем и раньше. Более того — было очень важно продолжать это делать. Просто не стоит стремиться разделять эти увлечения с прежними друзьями, как раньше.

Доктор объяснил Хуану, что он может плавать, как и раньше, но соревноваться нужно уже с другими, с теми, у кого такие же трудности... Он может пойти танцевать, но в клуб для тех, кто остался без ног... Он может устраивать тренировки на набережной, но должен научиться заниматься этим с такими же, как он сам.

Хуан должен был понять, что его друзья не могут быть с ним рядом, как раньше, так как ситуация изменилась... Он и его друзья теперь были не равны.

Для того чтобы заниматься тем, чем он хотел, а также еще и многим другим, ему надо постараться привыкнуть делить эти увлечения с себе подобными. А в первую очередь ему следовало бы направить свои усилия на то, чтобы создать новые отношения.

Хуан почувствовал облегчение, в его жизни появился лучик надежды, и это ощущение его успокоило.

— Мне трудно объяснить, насколько важна для меня ваша помощь, доктор, — сказал Хуан. — Ваши коллеги чуть ли не силой заставили меня к вам прийти, и теперь я понимаю, как они были правы. Я понял, что вы хотели сказать, и обещаю, что последую вашим советам. Я действительно не зря пришел.

«Новые отношения с такими же людьми», — повторял Хуан как заклинание.

Хуан Безногий вышел из кабинета психиатра и вернулся домой...

Привел в порядок свою электропилу...

Он задумал отрезать ноги всем своим друзьям и таким образом «создать» новые отношения с такими же, как он сам...

Осознание

Написание этого рассказа меня вдохновило стихотворение тибетского монаха по имени Римпонче.

И я записал его по-своему, чтобы показать еще одну сторону «луны» каждого из нас.

Я встаю утром.

Выхожу из дома.

В асфальте открытый люк.

Я его вижу

и падаю туда.

На следующий день

я выхожу из дома,

забываю, что в асфальте — открытый люк,

и снова туда падаю.

На третий день

я выхожу из дома и пытаюсь вспомнить,

что в асфальте — открытый люк.

Однако

я об этом вспоминаю

и снова падаю.

На четвертый день

я выхожу из дома

и пытаюсь вспомнить,

что в асфальте — открытый люк.

Я вспоминаю об этом,

однако

не замечаю колодца и падаю.

На пятый день

я выхожу из дома.

Я помню, что нужно обратить внимание

на люк

и иду, уставившись вниз.

Вижу люк,

однако, несмотря ни на что,

вновь падаю туда.

На шестой день

я выхожу из дома.

Вспоминая о люке на асфальте.

ищу его взглядом,

вижу люк,

пытаюсь через него перепрыгнуть,

но еще раз падаю.

На седьмой день

я выхожу из дома.

Вижу люк,

разбегаюсь,

прыгаю,

касаюсь носками ботинок

противоположного края,

но этого не достаточно,

и я срываюсь в эту дыру.

На восьмой день

я выхожу из дома.

Вижу люк,

разбегаюсь,

прыгаю,

перепрыгиваю!

Я так горд тем, что преодолел

это препятствие,

что от радости начинаю прыгать...

После чего

снова падаю в колодец.

На девятый день

я выхожу из дома,

вижу люк,

разбегаюсь,

перепрыгиваю через него

и продолжаю свой путь.

На десятый день,

а именно — *сегодня*,

я понимаю,

что удобнее идти...

по противоположному тротуару.

Рассказ в рассказе

Уже который месяц его мучили жуткие предчувствия... особенно по ночам. Он ложился спать и боялся не увидеть рассвет следующего дня, не засыпал до тех пор, пока не рассветало, иногда ему оставался всего час до того момента, когда нужно было вставать и идти на работу.

Как только он узнал, что Просветленный остановится на ночь в окрестностях города, то сразу понял, что это его уникальная возможность, потому что даже случайные прохожие — редкие гости в этом поселении, затерянном в горах Кальдеи.

Слухи опережали загадочного гостя, и, хотя никто его не видел, поговаривали, что у учителя есть ответы на все вопросы. И вот наступило утро, в которое он выбрался из дома, пока никто из домашних его не заметил, и направился к палатке учителя, стоящей у реки.

Когда он пришел, солнце едва взошло над горизонтом.

Он увидел, что Просветленный погружен в медитацию.

Он почтительно ждал до тех пор, пока учитель не заметил его присутствия.

Просветленный повернулся к нему и спокойно посмотрел в глаза, не говоря ни слова.

— Учитель, помоги мне, — сказал человек, — ужасные мысли овладевают мной по ночам, нет моей душе покоя... я не могу ни есть, ни спать, ни наслаждаться жизнью. Говорят, ты знаешь ответы на все вопросы и можешь справиться с любой бедой. Помоги мне избавиться от этой тревоги...

Учитель улыбнулся в ответ.

— Я расскажу тебе историю.

Один богач послал своего слугу на рынок за покупками. Но на рынке слуга встретился со смертью, которая пристально посмотрела ему в глаза. Он побледнел от страха и убежал, оставив и осла, и все корзины с купленным товаром.

Задышавшись, слуга прибежал к дому своего хозяина:

— Хозяин, хозяин! Пожалуйста, дай мне лошадь и немного денег, чтобы я мог сию же минуту уехать из города... Если я отправлюсь прямо сейчас, то, может, приеду в Тамур до того, как стемнеет... Пожалуйста, хозяин, пожалуйста, прошу тебя!

Хозяин спросил его о причине такой срочности, и слуга сбивчиво рассказал ему о своей встрече со смертью.

Хозяин на мгновение задумался и, протягивая ему кошелек с монетами, сказал:

— Хорошо. Пусть будет так. Возьми черную лошадь — она самая быстрая.

— Спасибо, хозяин! — ответил слуга. И, поцеловав ему руки, побежал в конюшню, оседлал лошадь и стремительно помчался прочь от этого места.

Когда слуга скрылся из виду, богач отправился на рынок в поисках смерти.

— Зачем ты испугала моего слугу? — спросил он, увидев ее.

— Я его испугала? — удивилась смерть.

— Да, — ответил богач. — Он мне сказал, что встретился с тобой, и ты на него угрожающе посмотрела.

— Это не так, — сказала смерть, — я просто удивилась. Не ожидала встретить его здесь в это время, так как предполагала забрать его в Тамуре сегодня вечером!

— Понятно? — спросил Просветленный.

— Конечно, понятно, учитель. Попытка скрыться от дурных мыслей — путь приближения к ним. Бежать от смерти — все равно что отправиться к ней навстречу.

— Именно так.

— Я так благодарен тебе, учитель... Я чувствую, что с этого вечера буду безмятежно спать, вспоминая твою притчу, и каждое утро просыпаться без забот...

— С этого вечера... — прервал его старик, — больше не будет утра...

— Я не понимаю, — ответил человек.

— Значит, ты не понял историю.

Человек удивленно взглянул на Просветленного и увидел, что выражение его лица...

было не таким, как прежде...

Алчность

Я копал землю, чтобы установить изгородь и отделить свой участок от соседнего, и нашел закопанный в саду старый сундук, полный золотых монет.

Меня привлекало даже не богатство, а необычность находки.

Я никогда не был жадным и для меня мало что значили деньги и ценные вещи...

Откопав сундук, я достал монеты и отчистил их. Монеты были грязные и тусклые.

Складывая их в кучки на столе, я решил их посчитать...

Это было целое состояние!

Я начал представлять себе, что можно было бы накопить на эту гору монет...

Я подумал о том, как радовался бы скупец, найдя такое богатство...

К счастью...

К счастью, это был не мой случай...

Сегодня ко мне пришли с требованием отдать сундук с монетами.

Это был мой сосед.

Этот негодяй утверждал, что их закопал его дед и поэтому я должен вернуть ему клад. Он меня так достал... своей жадностью... что я его убил!

Если бы он так отчаянно не хотел

их получить,

я бы ему их отдал,

потому что для меня не важно,

что можно купить за деньги...

Но я совсем

не переносу алчных людей...

Медведь

Есть истории, которые очень много для меня значат. Одна из них — это история о далеком прошлом, ее мне как-то поведал Мой дедушка, а теперь я хочу пересказать ее так, как запомнил.

Это история о портном, царе и о его медведе.

Однажды царь обнаружил, что одна из пуговиц его любимого платья оторвалась.

Царь был своенравным, властным и жестоким (как, впрочем, почти все, кто долгое время наделен властью). Итак, царь разгневался из-за потери пуговицы, повелел найти портного, чтобы на следующее утро была работа у палача. Он велел отрубить бедняге голову.

Никто не мог перечить государю всея Руси, и стражник. Отправился к дому портного и, не обращая внимания на плач родных, привел его в царскую темницу ожидать своей участи.

На закате, когда тюремщик принес заключенному последний ужин, тот покачал головой и еле слышно, с печалью в голосе прошептал:

— Бедный царь.

Стражник не мог сдержать смех:

— Бедный царь? Ты ничего не перепутал? На месте ли твоя голова? Это ты несчастный, и твоя голова полетит завтра с плеч.

— Ты не понял, — сказал портной. — Что важнее всего для нашего царя?

— Что самое важное? — задумался стражник. — Не знаю. Его народ.

— Не будь глупцом. Что действительно важно для него?

— Супруга?

— Важнее!

— Бриллианты! — Тюремщик решил, что догадался.

— Еще раз — что для царя важнее всего на свете?

— А, знаю! Его медведь!

— Точно. Его медведь.

— И что же?

— Завтра вместе с моей головой царь потеряет единственную возможность, чтобы его медведь заговорил.

— Ты дрессировщик медведей?

— Это старая семейная тайна... — ответил портной. — Бедный царь...

Одержимый желанием снискать милость царя и получить полновесную награду, стражник побежал поделиться только что услышанной новостью.

Портной мог научить медведя говорить!

Как же радовался царь, как предвкушал тот миг, когда сможет поразить всех дивом дивным. Виданное ли дело, чтобы медведь говорил? Он велел сей же час привести портного пред свои светлые очи и, когда того привели, приказал ему:

— Научи медведя нашему языку! Портной опустил голову:

— Я бы и рад услужить, царь-батюшка, но научить медведя говорить — труд тяжкий, он требует много времени... А его-то у меня как раз и нет.

— Сколько тебе надо на обучение? — спросил царь.

— Кто же его знает — какой медведь попадется..

— Медведь очень способный! — перебил его царь. — Он ее всех медведей на свете!

— Хорошо. Если медведь умный... и хочет учиться... думаю обучение может занять... может занять... не меньше чем...два года!

Царь на минуту задумался:

— Хорошо. Твоя казнь будет отложена на два года, но ты будешь учить медведя. Завтра же и принимайся. — приказал он.

— Царь-батюшка, — молвил портной. — Если ты повели палачу отрубить мне голову, я буду, мертв, и для моей семьи на ступят тяжелые времена. Но если ты отложишь кару, у меня будет времени заниматься твоим медведем... Мне придется работать, как и раньше, чтобы содержать семью...

— Это легко решить, — сказал царь. — С сегодняшнего дня течение двух лет твоя семья будет под царским покровительством. Вы будете одеты, обуты, накормлены и обучены и вам не будет отказа ни в чем, что только пожелается... Но если через два года медведь не заговорит... ты пожалеешь о том, что это предложил... Ты будешь молить небо, чтобы палач казнил тебя... Ты меня понял?

— Да, государь.

— Стража! — прокричал царь. — Отвезите портного домой в дворцовой карете. Дайте ему два мешка золота, пропитание и 5 подарки для детей. Сей же час! А теперь пошли прочь!

Портной с поклонами направился к выходу, бормоча слова благодарности.

— Не забудь! — сказал царь, указывая пальцем прямо ему в лоб. — Если через два года медведь не заговорит...

Когда все домашние уже оплакивали потерю отца семейства, портной подъехал к дому на царской карете. Он улыбался, настроение у него было преотличное — он вез подарки для всех.

Жена портного не могла прийти в себя от удивления. Ее муж, которого несколько часов назад увели на эшафот, вернулся жив-здоров, да еще с такими большими деньгами...

Когда они остались наедине, портной рассказал ей обо всем.

— Ты сошел с ума! — закричала женщина. — Научить говорить царского медведя?! Ты же никогда медведя и вблизи не видел! Ты сошел с ума. Научить медведя говорить... Сумасшедший, ты просто сумасшедший...

— Успокойся, жена, успокойся. Подумай, завтра на рассвете мне должны были отрубить голову, а теперь у меня впереди еще два года. За два года столько всего может произойти...

— За два года, — продолжил портной, — может умереть царь... Могу умереть я...

И самое главное: а вдруг медведь заговорит!

Только ради любви

Я иду своей дорогой.

Мой путь — дорога с одной колеей: моей.

Слева бесконечная стена отделяет мою дорогу от дороги человека, проходящего рядом, по другую сторону стены.

Иногда я нахожу в этой стене отверстие, окошко, щель... И могу видеть путь своего соседа или соседки.

Иногда во время пути мне кажется, что я вижу по ту сторону фигуру, которая идет в том же темпе и в том же направлении.

Я приглядываюсь: это женщина. Она прекрасна.

Она тоже меня видит. Она смотрит на меня.

Я снова смотрю на нее.

Я улыбаюсь ей... Она улыбается мне.

Спустя мгновение она продолжает свой путь, и я ускоряю шаг, потому что не хочу потерять ее из виду. Я страстно жажду хотя бы еще одной встречи.

У следующего отверстия в стене я на минутку останавливаюсь.

Когда она подходит, мы вновь смотрим друг на друга. Я знаками показываю ей, что она мне очень нравится.

Она мне отвечает тоже знаками. Я не знаю, означают ли они то же самое, что и мои, но мне кажется, она понимает, что я хочу сказать.

Я готов остановиться надолго, только чтобы смотреть на нее, ловить ее взгляд, смотрящий на меня, но я знаю... нужно продолжать идти своей дорогой.

Я говорю себе, что, может быть, дальше на пути я найду дверь. И смогу открыть ее и встретиться с незнакомкой.

Ничто не придает столько сил и уверенности,

как желание, и я спешу найти воображаемую дверь.

Я принимаюсь бежать, не отрывая взгляда от стены.

Через некоторое время я действительно вижу дверь.

Она там, по ту сторону — моя желанная и любимая. Ждет... Она ждет меня...

Я подаю знак. Она отвечает воздушным поцелуем.

Ее жесты манят и зовут. Это все, что мне нужно. Я подхожу к двери, чтобы встретиться с ней.

Дверь очень узкая. Проходит рука, проходит плечо, я немного втягиваю живот, слегка разворачиваюсь, мне почти удается просунуть голову... Но мое правое ухо застревает.

Я отталкиваюсь и снова делаю попытку пролезть сквозь игольное ушко...

Не выходит. Мешает ухо.

Я не могу пригнуть его рукой, даже палец туда не помещается...

Места слишком мало, и я принимаю решение...

Там же, по ту сторону, меня ждет любимая... она там, а я здесь.

(И это та женщина, о которой я мечтал, и она зовет меня...)

Я вынимаю из кармана нож и нахожу в себе силы, чтобы одним ударом отрезать ухо, и тогда все получится, думаю я.

И мне это удается: моя голова, наконец, проходит.

Но затем я вижу, что у меня застряло плечо.

Дверь оказалась странной формы.

Я стараюсь, но ничего не выходит. Одна рука и часть корпуса прошли, вторая же никак не проходит...

Но меня уже невозможно остановить... Она же ждет!

Я отступаю и, не думая о последствиях, разбегаюсь и с силой прорываюсь через дверь.

От такого удара связки моего плеча порвались и рука безжизненно обвисает. Но для меня это кажется счастьем — теперь я, кажется, смогу пройти через дверь...

Осталась самая малость.

Почти преодолев преграду, я понимаю, что моя правая нога зацепилась и оказалась по другую сторону.

Сколько бы я ни прилагал усилий, все напрасно.

Не получается. Дверь слишком узкая, чтобы я смог просунуть в нее все свое тело...

Но... сомнения позади — впереди встреча с возлюбленной.

Я не могу отступить... Поэтому я беру топор и, сжав зубы, одним ударом избавляюсь от того, что мне кажется лишним, чтобы перейти Рубикон.

Весь в крови, опираясь на топор, как на костыль, с бездействующей рукой, без уха и ноги я предстаю перед своей любимой.

— Вот и я. Наконец-то я здесь. Вот и встретились. Ты посмотрела на меня, я посмотрел на тебя. Влюбился. Я отдал ради тебя все, что только мог. На войне и в любви все средства хороши. Жертвы не в счет. Они нужны были для того, чтобы встретиться с тобой, чтобы продолжить путь вместе... Вместе навсегда...

Она смотрит на меня, не скрывая гримасы. На ее лице написано отвращение.

— Не-е-е-т, я так не хочу... Прежний ты мне нравился больше. Когда был цел и невредим.

Чайная церемония

Я встречаю тебя...

Я тебя слушаю...

Я с тобой разговариваю...

Я тебя обнимаю...

Ты моя...

Я тебя удерживаю...

Я тебя сжимаю...

Я тебя добился...

Я тебя поглощаю...

Я тебя душу...

Я тебя люблю?

Препятствия

Текст, который ты здесь видишь, на самом деле — не совсем история. Это скорее размышление, навеянное сновидением. И я предлагаю подумать над ним вместе со мной, чтобы понять истинные причины некоторых наших неудач. Пожалуйста, читай внимательно, стараясь задержаться хоть на мгновение на каждой фразе, и воочию представить себе каждую ситуацию.

Я иду по тропинке.

Иду, куда глаза глядят.

Мой взгляд скользит по деревьям, птицам, камням.

На горизонте вырисовываются очертания какого-то города.

Я присматриваюсь, чтобы лучше его разглядеть.

Меня тянет в этот город, он меня привлекает.

Не зная почему, я чувствую, что в этом городе сбудется все, о чем я мечтаю.

Мои цели, намерения и устремления.

Все мои заветные желания — в этом городе.

Здесь то, что мне необходимо, то, к чему я стремлюсь и что пытаюсь сделать.

То, ради чего работаю, пытаюсь стать тем, кем хотелось бы.

Здесь сбудутся все мои мечты, здесь — моя главная цель.

Я представляю себе, что все сосредоточено в этом городе.

И без сомнений направляюсь в его сторону.

Едва начав путь, я вижу, что тропинка идет в гору.

Я немного устаю, но это не важно.

Двигаюсь дальше.

И вижу впереди очертания черной тени.

Подойдя поближе, понимаю, что огромный ров преграждает мне путь.

Я боюсь... Меня одолевают сомнения.

Меня раздражает, что не удастся с легкостью достигнуть своей цели.

Но я решаюсь перепрыгнуть ров.

Отступаю, разбегаюсь, прыгаю...

Попытка удалась.

Я успокаиваюсь и продолжаю идти к намеченной цели.

Через несколько метров на моем пути еще один ров.

Я снова разбегаюсь и прыгаю.

И уже бегу к городу: мне кажется, на дороге больше нет препятствий.

Я поражаюсь, увидев пропасть, возникшую на моем пути.

Я останавливаюсь.

Ее невозможно перепрыгнуть.

Оглядевшись по сторонам, замечаю, что неподалеку лежат доски, гвозди, инструменты.

Я понимаю, что можно построить мост.

Но я никогда не был мастером на все руки...

Вновь мной одолевают сомнения.

Я смотрю на желанную цель...

И принимаюсь строить мост.

Проходят часы, дни, месяцы.

Мост готов.

В волнении я прохожу по нему.

И, перейдя на другую сторону... упираюсь в стену.

Огромная холодная и влажная стена окружает город моей мечты...

Я в отчаянии...

Я пытаюсь обойти ее.

Не получается.

Я должен найти путь.

Город уже так близко...

Я не позволю какой-то стене остановить меня.

Я собираюсь лезть наверх.

Несколько минут отдыхаю, чтобы собраться с силами...

И вдруг замечаю

Ребенка,

который смотрит в мою сторону, как старый знакомый.

Он приветливо мне улыбается.

И напоминает меня... в детстве.

Возможно, поэтому я решаюсь посетовать вслух:

— *Почему столько преград между мной и моей целью?*

Ребенок пожимает плечами и отвечает:

— *Почему ты меня об этом спрашиваешь?*

Их не было, пока ты не пришел...

Ты сам создал все преграды.

Однажды (или о хрупкой границе между выдумкой и действительности)

Однажды жило-было «Однажды».

О нем так много говорили, повторяя историю

по многу раз,

Что из были-небыли...

Оно превратилось в реальность.

Дети были одни

Мать ушла рано утром и оставила детей на попечение девушки восемнадцати лет, которую она иногда приглашала на несколько часов за небольшую плату.

С тех пор как умер их отец, наступили тяжелые времена. Можно было потерять работу, если оставаться дома каждый раз, когда бабушка не сможет посидеть с детьми, заболит или уедет из города.

Марина после обеда уложила детей спать. И тогда ей позвонил ее парень и пригласил на прогулку в своей новой машине. Девушка особенно не раздумывала. В конце концов, дети обычно не просыпаются раньше пяти часов.

Услышав гудок машины, она взяла свою сумочку и отключила телефон. Она предусмотрительно закрыла на ключ дверь в комнату и убрала его в сумочку. Она не хотела, чтобы, проснувшись, Панчо спустился за ней по лестнице. Ему было всего-навсего шесть лет, он мог зазеваться, споткнуться и ушибиться. Кроме того, подумала она, как объяснить матери, что ребенок ее не нашел?

Что это было? Короткое замыкание в работающем телевизоре или включенных светильниках в зале... вылетевшая из камина искра? Но случилось так, что занавески загорелись и огонь быстро добрался до деревянной лестницы, ведущей в спальню.

От дыма, просочившегося через дверь, малыш закашлялся и проснулся. Не раздумывая, Панчо вскочил с постели и попытался открыть дверь. Надавил на засов, но не смог.

Если бы ему это удалось, то и он, и его грудной братик через несколько минут погибли бы в бушующем пламени.

Панчо закричал, позвал няню, но никто не ответил на его крики о помощи. Тогда он подбежал к телефону, чтобы набрать номер своей матери, но он был отключен.

Панчо понял, что теперь только он сам должен найти выход и спасти себя и своего братика. Он попытался открыть окно, за которым был карниз, но его маленьким рукам было не под силу открыть задвижку. Но даже если бы ему это удалось, ему пришлось бы преодолеть еще и проволочную защитную решетку, которую установили его родители.

Когда пожарные потушили огонь, все говорили только об ОДНОМ:

— Как мог такой маленький ребенок разбить окно и сломать решетку вешалкой?

— Как ему удалось запихнуть младенца в рюкзак?

— Как ему удалось пройти по карнизу с таким грузом и спуститься по дереву?

— Как им удалось спастись?

Старый начальник пожарной команды, мудрый и уважаемый человек, ответил им:

— Панчито был один... некому было ему сказать, что он не сможет.

Мимолетность

Я родился сегодня на рассвете,
прожил свое детство этим утром
и около полудня
уже встретил свое отрочество.

И меня не пугает то,
что время проходит так быстро.

Меня лишь немного беспокоит мысль,
что, возможно, завтра
я стану
слишком старым
и не смогу доделать то, что еще не закончил.

Город колодцев

Эта история похожа на незримую цепь, которая соединяет людей мудростью услышанных сказок. Мне ее рассказал один пациент, который, в свою очередь, услышал ее

из уст удивительного человека, священника-креола Мамерто Менапаса. Я добавил в нее частичку себя и вот она перед вами.

В этом городе не было людей, как во всех остальных городах планеты.

В нем жили колодцы. Живые колодцы... Но все равно — колодцы.

Колодцы отличались друг от друга не только месторасположением, но и закраиной (краем, который связывал их с внешним миром).

Некоторые колодцы были роскошные, с закраиной из мрамора и драгоценных металлов; были колодцы поскромнее — из кирпича и древесины, были и просто бедные, ничем не отделанные отверстия в земле.

Общение жителей — из уст в уста — ничем не отличалось от общепринятого, только здесь это называлось «от закраины к закраине», и вести быстро распространялись от одного конца города к другому.

И вот однажды в городе возникла «новая мода», навверняка занесенная сюда из одной из деревушек населенной людьми.

Она гласила, что каждое уважающее себя живое существо должно больше заботиться о своем внутреннем содержании, чем о внешнем виде.

И колодцы начали наполнять себя разными предметами.

Одни выбирали для украшения, золотые монеты и драгоценные камни.

Другие, попрacticalней, наполнялись мебелью и бытовыми приборами.

Были и те, которые предпочли искусство, и заполняли свое пространство картинами, концертными роялями, кто-то выбирал постмодернистские скульптуры.

И, наконец, интеллектуалы. Их выбор — книги, идеологические манифесты и специализированные журналы.

Прошло время.

Многие колодцы уже были наполнены до отказа, и в них больше ничего не помещалось.

Колодцы были с разнообразными характерами и темпераментом. Некоторые довольствовались уже имеющимся, другие же думали, что им нужно что-то предпринять, чтобы продолжить наполняться — мир же такой разнообразный и всегда найдется то, чего у тебя пока еще нет... а хочется, чтобы было.

Один из них решил опередить всех. Вместо того чтобы избавиться от некоторых вещей, он решил расширить свою территорию.

Через некоторое время и у него появились последователи. Колодцы всеми силами стремились расшириться, чтобы было больше места для новинок. Как-то один совсем маленький колодец, находящийся далеко от центра города, заметил, что его товарищи чрезмерно вытягиваются, меняя свои привычные границы. Он подумал, что если так будет

продолжаться, то края разных колодцев смешаются и они потеряют свою индивидуальность...

Может быть, именно тогда ему и пришло в голову, что есть другой способ увеличить свои возможности — расти не вширь, а вглубь. Стать глубже, а не шире. Но тогда он сообразил, что нужно освободиться от всего того, что у него есть, так как все его содержимое препятствовало бы этой затее. Если он хочет стать глубже, надо избавиться от всего старого...

Сначала он страшно испугался пустоты. Но так как другой возможности не было, он решился на это.

Освободившись от всего, колодец становился все глубже и глубже, в то время как остальные присваивали себе то, от чего он избавился...

А колодец, который становился глубже, однажды обнаружил кое-что, что его сильно удивило. Глубоко-глубоко, очень глубоко... Он обнаружил воду!

Никогда раньше ни один колодец не находил воды.

Колодец оправился от изумления и принялся играть с водой. Он брызгался, увлажняя свои стены, и, наконец, доигрался до того, что выплеснул воду наружу.

Город знал только дождевую воду, но этого не хватало, чтобы город был зеленый и цветущий. Вот почему земля вокруг колодца, ожив от воды, начала просыпаться.

Из дремавших в ней семян выросла трава, клевер, цветы. Появились слабенькие стебельки, которые потом превратились в деревья...

Жизнь заиграла красками вокруг этого колодца, и его стали называть «Цветник».

Все спрашивали, как он добился такого чуда.

— Никакое это не чудо, — отвечал Цветник, — ищите внутри себя, в глубине.

Многие захотели последовать примеру Цветника, но как только узнавали, что для этого необходимо избавиться от всего, тотчас же отказывались от этой идеи. И продолжали расширяться и дальше наполняться различными вещами.

На другом конце города еще один колодец все же решил пойти на риск и выкинуть все, что имел...

И начал расти вглубь...

И он тоже нашел воду...

И когда он поделился ей с землей вокруг себя, в поселке появился второй зеленый оазис...

— Что ты будешь делать, если вода закончится? — спрашивали его.

— Я не знаю, что тогда будет, — отвечал он. — Но сейчас — чем больше воды я черпаю, тем больше ее становится.

Шло время. Через несколько месяцев пришло великое открытие. Как водится почти случайно.

Оба колодца поняли, что вода, которую они нашли на дне, была общей...

Одна и та же подземная река протекала в глубине и связывала их обоих.

Они поняли, что для них началась новая жизнь.

Они теперь могли общаться не только на поверхности, от закраины к закраине, как все остальные; поиск подарил им тайный язык, они обрели новые способы связи.

Они открыли для себя глубинное общение, которого может достичь лишь тот, кто наберется смелости освободиться от лишнего груза и найти в себе то, что может дать другим...

Логика пьяного

Приходит человек в бар, садится за стойку и заказывает пять стаканов виски.

— Сразу? — спрашивает официант.

— Да, все пять, — отвечает посетитель. — Чистого виски, без льда.

Официант ставит стаканы перед ним, и посетитель выпивает их все сразу один за другим.

— Официант, — подзывает он, — повторите четыре виски, без льда.

Официант замечает на лице пьющего глупую ухмылку. Осушив в одно мгновение четыре виски, он хватается за стойку и требует еще.

— Парень! Три виски.

Затем по привычке добавляет:

— Без льда.

Официант приносит ему три стакана, и клиент, как и раньше, выпивает их залпом. Официанту показалось, что у парня от количества выпитого уже помутнел взгляд.

— Приятель! — кричит клиент во весь голос — Налей еще! Теперь два!

Выпивает и по-дружески дергает официанта:

— Брат! Ты мне как родной брат...

Затем заливается хохотом и, отсмеявшись, говорит.

— Принеси мне еще один стакан, без льда. Но только один. Хорошо? Только один...

Ему приносят заказ.

Он допивает последний глоток и, ничего не соображая, падает на пол, пьяный в стельку.

Лежа на полу, он обращается к официанту:

— Мой врач не верит мне, но ты свидетель: чем меньше я пью, тем хуже мне становится!

История без «Ы»

Он шел по дороге, глазел по сторонам и вдруг заметил неподалеку от тропы маленькое карманное зеркальце. Казалось, оно поджидало именно его.

Он поднял его и посмотрел на себя.

Внимательно посмотрел на свое отражение.

Он был не так уж и молод, но годы, можно сказать, пощадили его.

Однако в своем облике он находил что-то отталкивающее.

Пожалуй, излишнее напряжение. Как кольца на пне, на его лице была записана вся его жизнь, с явным преобладанием

Гнева, презрение, агрессия, одиночество.

Он поддался было соблазну захватить зеркальце с собой, но передумал.

И так в его жизни хватало неприятностей, чтобы обременять себя еще одной.

Он решил навсегда забыть и эту дорогу, и это зеркальце, ставшее ненавистным.

Мы же не любим, когда плохо выглядим или поступаем и кто нам на это указывает.

Он шел и шел, пытаясь справиться с соблазном, чтобы не вернуться обратно. Это зеркальце не выходило у него из головы, загадочно манило, как магниты притягивают металл.

Он сдержался, ускорил шаг.

Бормоча детские песенки, он старался избавиться от ужасного образа, увиденного недавно.

Бегом бежал он к дому, где родился. Прямо в одежде он бросился на постель и зарылся с головой в простыни. Он не видел ничего вокруг. Однако никак не мог выбросить из головы воспоминания о своем отражении. О том, что он там увидел.

Досада,
боль,
одинокчество,
страх,
злоба,
презрение.

Что-то совсем невообразимое, невысшимое... чего он раньше не замечал...

Откуда что взялось?

И он понял. Вспомнил тот вечер, тридцать лет тому назад.

С него-то все и началось.

Ребенок лежал у озера и плакал из-за того, что никто не обращает на него внимания.

И тогда он решил навсегда стереть одну букву алфавита.

Ту букву.

Ту

Букву, которая нужна, чтобы кого-нибудь позвать.

Букву, необходимую для общения.

Если к людям нельзя будет обратиться, они станут не нужны...

Не станет причины чувствовать их необходимость...

И, не имея способа их назвать,

Он, наконец, окажется свободным...

Эпилог

Без буквы «ы»

я могу рассказать даже о своей усталости,

о самом себе,

о том, что я имею...

Я даже могу писать о нем,

о них,

об остальных.

Но без буквы «ы»

Я не могу сказать «вы»,

или «ты»,

или «ваши сны»,

не скажу о ваших мыслях,

о твоей улыбке

и даже о нашем выборе.

Так бывает...

Иногда я теряю «ы»...

И не могу больше с тобой говорить,

думать о тебе и тебя любить.

Без «ы» я остаюсь, а «ты» исчезаешь...

Не имея возможности тебя позвать,

как я мог бы наслаждаться твоим присутствием?

...Если ты не существуешь,

я обречен видеть худшее в себе,

отражаясь вечно

в одних одинаковых,

глупых

зеркалах.

Я хочу

В этой истории я предлагаю свою модель идеальных отношений.

Я хочу, чтобы ты меня слушала, не осуждая

Я хочу, чтобы ты высказывалась, не давая мне совета

Я хочу, чтобы ты доверяла мне, ничего не требуя

Я хочу, чтобы ты мне помогала, не пытаясь решать за меня

Я хочу, чтобы ты заботилась обо мне, не унижая

Я хочу, чтобы ты на меня смотрела, не пытаясь чего-то от меня добиться

Я хочу, чтобы ты меня обнимала, но не душила

Я хочу, чтобы ты меня воодушевляла без принуждения

Я хочу, чтобы ты меня поддерживала, не отвечая вместо меня

Я хочу, чтобы ты меня защищала, но не лгала

Я хочу, чтобы ты была ближе, но оставляла мне личное пространство

Я хочу, чтобы ты знала о моих самых непривлекательных чертах

Приняла их и не пыталась их изменить

Я хочу, чтобы ты знала... что ты можешь на меня рассчитывать...

Без ограничений.

Краткая автобиография

Жил-был один человек, такой же, как и все:

совершенно обыкновенный человек.

В один прекрасный день он заметил, что люди, непонятно почему, стали превозносить его высокий рост:

— Какой ты высокий!

— Как ты вырос!

— Я завидую твоему росту...

Сначала это его удивило, и в течение нескольких последующих дней он замечал, что украдкой поглядывает на свое отражение в витринах магазинов и в окнах автобусов.

Но ему все время казалось, что он такой же, как и раньше, ни высокий ни низкий...

Он решил не придавать этому большого значения, но, когда через несколько недель он заметил, что трое из четырех встречных смотрят на него снизу вверх, ему стало интересно, что же произошло.

Человек купил сантиметр, чтобы измерить свой рост, и сделал это со всей тщательностью. После нескольких измерений и проверок он удостоверился, что его рост был таким же, как и прежде.

Но все продолжали восхищаться им.

— Как ты вырос!

— Какой ты высокий!

— Как я завидую твоему росту...

И он стал часами стоять перед зеркалом, рассматривал себя и пытаясь понять, стал ли он выше, чем раньше.

Но он видел, что его рост не изменился. И был таким, как обычно, — ни низким ни высоким.

И тогда он решил отметить высшую точку мелом на стене — чтобы в следующий раз можно было заметить изменения.

А люди всё продолжали говорить.

— Какой же ты высокий!

— Как ты подрос!

— Вот бы мне такой рост...

...и приседали, чтобы посмотреть на него снизу.

Шли дни.

Человек продолжал измерять свой рост, но отметка оставалась неизменной.

Тогда он подумал, что над ним просто издеваются. И поэтому как только речь заходила о росте, он сразу же менял тему разговора, или же оскорблял собеседника, или резко уходил, не проронив ни слова.

Но и это не помогало. Все продолжалось вновь и вновь.

— Какой ты высокий!

— Как ты вырос!

— Как я завидую твоему росту...

Человек был достаточно рассудительным и подумал, что этому явлению должно быть какое-то объяснение.

Им восхищались, и ему это было приятно и ему очень хотелось, чтобы так все и было на самом деле.

Он подумал, может быть, это глаза его обманывают.

Мог же он вырасти и стать гигантом из-за какого-нибудь заклинания или колдовства, сам того не ведая и не замечая.

— Да! Наверное, так и есть!

И успокоенный этим открытием, человек с тех пор зажил счастливо.

Он наслаждался каждым словом и взглядом окружающих.

— Какой ты высокий!

— Как ты вырос!

— Как я завидую твоему росту...

Нашему герою было неприятно быть обманщиком. И теперь он избавился от этого ощущения.

Но однажды произошло чудо.

Он подошел к зеркалу и увидел, что и в самом деле вырос.

Все прояснилось. Колдовство закончилось.

Он стал ходить, выпрямившись во весь рост.

Откинув голову назад.

Он носил одежду, которая подчеркивала его осанку,

и купил себе несколько пар обуви на платформе.

Человек стал смотреть на остальных свысока.

И теперь их слова наполняли его гордостью и ласкали слух:

— Какой ты высокий!

— Как ты вырос!

— Как я завидую твоему росту...

Его радость перешла в тщеславие, а оно, в свою очередь, — в беспредельное высокомерие.

Он уже не спорил с теми, кто говорил о его высоком росте. Теперь он с удовольствием вступал в разговоры, давая советы как быстрее вырасти.

И так продолжалось до тех пор, пока... он не встретился с карликом. Его распирало от тщеславия. Человек поспешил поравняться с ним, он чувствовал себя высоким как никогда...

Но, к его удивлению, карлик хранил молчание.

Гордец покашлял, но карлик, казалось, даже не заметил это. И хотя он вытянулся так, что чуть не свернул себе шею, карлик оставался невозмутимым.

Когда его терпению пришел конец, он шепнул карлику.

— Тебя не удивляет мой рост? Тебе не кажется, что я гигант?

Карлик посмотрел на него снизу вверх. Потом еще раз посмотрел на него и скептически произнес:

— Знаешь, мне с высоты моего роста все кажутся гигантами, и для меня ты не выше, чем все остальные.

Высокомерный высокий человек презрительно взглянул на него и не нашел ничего лучше, как пробормотать:

— Карлик!

Он вернулся домой, подбежал к большому зеркалу в гостиной и встал перед ним...

Ему показалось, что он стал ниже, чем утром.

Он подошел к отметинам на стене.

Мелом отметил свой рост, и... все совпало!

Он схватил сантиметр и, дрожа от волнения, измерил свой рост, чтобы удостовериться в том, что ему и так было уже известно.

Он не вырос ни на один миллиметр...

За все время не вырос ни на один миллиметр...

Впервые за долгое время он видел себя таким же, как и все. Человеком, похожим на других. И рост его — ни высокий ни низкий.

Что же ему теперь делать, встретившись с другими?

Теперь он точно знал, что был не выше их.

Человек заплакал.

Он бросился на кровать, решив, что больше никогда не выйдет из дома.

Он стыдился своего настоящего роста.

Посмотрев в окно, он увидел людей из своего квартала, которые проходили мимо его дома... Все казались такими высокими!

В панике он снова подбежал к зеркалу, теперь уже для того, чтобы проверить, не стал ли он ниже.

Нет. Его рост оказался все тем же...

И тогда он понял...

Все смотрят на остальных либо сверху, либо снизу.

Высокими или низкими мы становимся в соответствии со своим представлением о мире,

в соответствии со своими ограничениями,

в соответствии со своими привычками,

в соответствии со своими желаниями,

в соответствии с необходимостью быть

высоким или низким...

Человек улыбнулся и вышел на улицу.

Он чувствовал себя так легко, что почти плыл над тротуаром.

Человек встретился с сотней людей, одним он казался гигантом, другим — почти что карликом... но никто из них не потревожил его спокойствия.

Теперь он знал, что он один из них.

Всего лишь один из них...

Как все...

Грусть и ярость

Анне Марии Бово

В одном заколдованном королевстве, где не ступала нога человека, а может быть, ровно наоборот, где люди становятся путешественниками, не замечая того...

В сказочном королевстве, где нереальное становится реальным...

Был...

прекрасный пруд.

Или, скорее, лагуна с кристально чистой водой, в которой плавали рыбки всевозможных расцветок и переливались все оттенки зеленого цвета...

Грусть и ярость подошли к этому сказочному водоему, чтобы вместе искупаться.

Обе сняли одежду и, нагие, вошли в воду.

Ярость, как обычно, спешила (что с ней всегда бывает), быстро искупалась и еще быстрее вышла из воды...

Но ярость слепа или, по крайней мере, видит происходящее неотчетливо. Поэтому она в спешке надела платье, которое было ближе...

А платье оказалось не ее, а грусти...

И, облаченная в наряд грусти, ярость ушла.

Спокойно, безмятежно, как и всегда, грусть закончила купаться и безо всякой спешки — или, если сказать точнее, не давая себе отчета в том, что время проходит, — медленно и лениво вышла из пруда.

На берегу она обнаружила, что ее одежды нет.

А как всем известно, больше всего грусть не любит оставаться обнаженной. Поэтому она надела то платье, что нашла у пруда: платье ярости.

Говорят, что с тех пор часто можно увидеть ярость — слепую, жестокую, сердитую и ужасную. Но если внимательно приглядеться к ней, то можно заметить, что ярость, которую мы видим, — всего лишь маска и под платьем ярости прячется грусть.

Письмо сознавшегося убийцы

Сеньору Хоакину Марии Аянаку

Улица Гуалегуайчу, 431

Буэнос-Айрес

Уважаемый сеньор Аянак!

Прежде всего должен признаться: Вы меня не знаете. По крайней мере, в общепринятом смысле этого слова. То есть так, как знаю Вас я.

Иными словами, у меня записаны Ваше имя и адрес. Мне известны Ваш возраст, Ваши вкусы, места, где Вы отдыхаете, марка Вашей машины. Я знаю имя Вашей супруги, имена Ваших детей и даже Вашей собаки (Понго, если не ошибаюсь). Мне сейчас пришла в голову мысль, что, возможно, все эти сведения могут Вас немного встревожить.

Как и у всех, кто наделен властью, у Вас наверняка есть параноидальные черты. Я представляю себе, как Вы задаетесь вопросом: «Как он узнал обо мне все это? Откуда у него информация?»

Чтобы избавить Вас от дальнейшей тревоги по этому поводу, спешу сообщить, что не существует никакой информации настолько секретной, что ее нельзя было бы получить, имея немного денег и достаточно времени... Мне же хватает и того и другого (иногда мне кажется, что всемогущество Бога происходит не из-за его всеисилия, а из-за бесконечного спокойствия, присущего бессмертию. А вот мы, люди, напротив, постоянно спешим из-за невольного осознания своей смертности).

Действительно, для серьезного исследования необходимо добавить к спокойствию немного рассудительности и, конечно, заинтересованности: чем сложнее задача, тем сильнее должен быть интерес к ней. (Ведь понятно, что без заинтересованности невозможно заставить рассудительность приступить к делу..)

Наверное, было бы уместно начать с рассказа о том, как я Вами заинтересовался.

Вполне возможно, что Вы этого уже не помните, ведь прошло много лет. Но дело в том, что однажды (а точнее — в четверг 23 июля 1991 года) в третьем часу дня (а именно в 14.15) Вы ехали на своем сером BMW по улице Авельянада, что в квартале Флорес. Весь день шел дождь, и на улице, как обычно, были лужи. Доехав до пересечения с улицей Артигас, Вы на всей скорости свернули налево по направлению к улице Гаона, так что машину немного занесло, — Вы любите так делать на поворотах. Именно там, в нескольких метрах от улицы Авельянада, есть выбоина. Вы, конечно, знали о ней и поэтому взяли немного вправо (помните?)... И, конечно, сразу же обрызгали старичка, который хотел перейти дорогу в тот момент, когда светофор запрещал проезд машин по улице Артигас. Вы его облили с ног до головы, от колен до шляпы.

Вы это видели. Я уверен, что видели.

И почему-то Вы не затормозили! И не только не остановились, но (что гораздо важнее) еще и состроили гримасу, Всего на три-четыре секунды, не больше... Презрение и отвращение выражали Ваши губы, растянутые на несколько миллиметров. Затем Вы легко, совсем легко пожали плечами, и это ясно показало Вашу реакцию на случившееся.

Тогда я сказал себе: «Какой нехороший человек»

Пожалуй, следует прояснить кое-что, касающееся меня самого. У меня нет предрассудков. Я ничего не имею против шикарных машин и их владельцев. Мне кажется, что я к тому же понятливый и терпимый человек. Вот почему чуть позже я подумал о том, что, возможно, ошибся и что Ваше поведение было вовсе не таким. Или, может быть, этот поступок был скорее исключением, чем правилом: неудачный момент, ошибка, секундная бестактность...

Надеюсь, Вы это поймете. Для таких людей, как я, не признающих мелочей и полутонов, существует лишь либо «да», либо «нет». И единственный способ узнать, поступили Вы тогда подло или нет, — это изучить вопрос со всей серьезностью...

И я этим занялся!

Последние пять лет я посвятил тому, чтобы узнать больше и в результате либо подтвердить, либо опровергнуть то ужасное первое впечатление, которое на меня произвел Ваш поступок

И вот что из этого вышло, сеньор Аянак. Теперь исследование завершено, и того, что я выяснил, более чем достаточно для вывода: Вы еще большее ничтожество, чем я мог подумать тогда, в 1991 году.

24 июля, на следующий день после нашей первой встречи, в половине второго пополудни я остановился на том же сечении улиц Артигас и Авельянада, ожидая, как Вы проедете. Я был уверен, что Вы, как и я, не меняете своего ежедневного маршрута (меня всегда удивляло это утомительное пристрастие человека к неизменным привычкам: мы всегда едим одно и же, носим одежду одного и того же цвета, проводим лето в том же месте, курим сигареты только одной марки и, конечно же, проезжаем по одним и тем же улицам города, чтобы попасть из одного привычного места в другое).

Вы не исключение. Вот почему в 14.14 Ваш BMW свернул с улицы Артигас на улицу Баона и объехал рытвину на улице Артигас, приблизившись к тротуару справа.

В этот день не было ни луж, ни переходившего дорогу старичка. Не было и гримасы, и вообще ничего, что могло бы отвлечь меня, так что я записал номерной знак Вашей машины: В-2153412.

В следующий понедельник я решил не идти на работу и посвятить весь день расследованию. Я сел в свою машину, припарковался около улицы Артигас и снова стал ждать Вас. В привычный час серая иномарка выехала из-за угла, и я поехал за ней следом по улицам Хуана Бусто, Варнеса, Серрано, Санта Фе, Гурручага. Должен признаться, мне было немного неприятно увидеть, как Вы припарковались на стоянке для полицейских машин на углу Санта Фе и Гурручага. На мгновение я подумал, что Вы, возможно, комиссар полиции или что-то вроде этого. Но Вы даже не зашли в полицейское отделение. Вы прошли мимо двери, и постовой отдал Вам честь. Из своей машины я увидел, как Вы прошли двадцать или тридцать метров по Санта Фе до улицы Каннинг и вошли в здание. В тот же момент постовой засвистел в свисток, показывая, чтобы я проезжал дальше

Почему Вы можете парковаться на этой служебной стоянке, 1 мне пришлось ехать в поисках места для парковки, которое нелегко найти в том районе?

Скажите, откуда взялось такое множество сомнительных привилегий, которыми одни законно или незаконно пользоваться за счет остальных?

Почему, имея должность комиссара полиции, можно присваивать себе кусочек города для парковки своей машины и вдобавок передавать это право другим?

Ведь Вы не работаете в полиции. Вы — «друг полицейского». Дает ли это Вам право использовать несколько квадратных метров городской улицы?

Во что Вам обходится такая «любезность»? Услуга за услугу? Небольшая «компенсация»? «Незначительная» уступка с Вашей стороны?

Осыпая бранью Вас, полицию, мэрию и всю систему в целом, я припарковался и прошел два квартала назад до улицы Сайта Фе.

В конце дня мне было уже известно все, чтобы начать следствие. Я знал Ваше имя, рабочий адрес, профессию (адвокат по уголовным делам) и Ваши часы приема; понедельник, среда, четверг и пятница, с двух до шести.

Должен признаться, что до того момента, как я зашел в Ваш офис, у меня еще оставались сомнения. И происшедшее в квартале Флорес, и «привилегия» парковки возле полицейского участка были еще недостаточны... Но когда Ваша секретарша Мирта (блондинка, имеет двоих детей, живет в квартале Линкере) назначила мне встречу с Вами на два часа в следующий понедельник, я понял, насколько Вы неуважительно относитесь к окружающим. Потому что секретарша выполняет Ваши указания, а ведь и мне, и Вам известно, что в два часа Вы никак не можете меня принять, потому что в четверть третьего. Вы поворачиваете на улицу Артигас в квартале Флорес!

Что, на Ваш взгляд, должен делать человек, которому назначили прием на два часа, если Вы приедете между 14.00 и 14.45? Вас не интересуют его проблемы с законом, его беспокойство и тревога? Вам до него нет дела, верно? Вы его не знаете и Вас это абсолютно не волнует... Пусть подождет. Пусть еще один подождет.

Должен признаться, у меня никогда не вызывали восторга специалисты по уголовному праву. Я всегда думал, что люди выбирают ту или иную профессию исходя из определенных черт своего характера. Не может быть случайным то, что все врачи ипохондрики, почти все экономисты мошенники и что не существует надежных адвокатов. Многие месяцы своего исследования я посвятил изучению психологии. Это была попытка наконец понять Вас и Ваши действия. У меня в голове не укладывалось, что человек, посвятивший себя правосудию, имеет такое практически неприемлемое представление о морали и о справедливости. Тогда я научился, наконец, тому, что называется «реактивным образованием» (некий механизм, с помощью которого человек пытается изменить знак поступка, который ведет к порицанию...)

Психология, должно быть, гораздо более снисходительна к Вам, чем ко мне. Говоря профессиональным языком, Вы сублимируете свои порывы в своей профессии, и такое

объяснение звучит даже благородно. Нет, никакой реактивный механизм не оправдывает, например, то, что Вы добились, чтобы Ваш клиент, Фуэнтес Орбиде, был освобожден, обвиняя во всем своего компаньона и родственника. Вы знали, что тот был невиновен. Вы знали, что Ваше выступление и планирование защиты приведут к тому, что место в тюрьме для Вашего клиента станет местом для его жертвы. Однако же Вы все равно так поступили. Вы выступали не в защиту правосудия. И даже не в защиту Вашего клиента.

Вы защищали свой карман, свою репутацию, свои личные интересы. Две недели спустя после задержания несчастного компаниа а Вашего клиента Вам кто-то напомнил об этом деле в кулуарах суда. Это было вроде упрека за то, что Вы «отправили его за решетку» Вы помните свой ответ? Ваши слова остались у меня в памяти, словно я сам был там и слышал их. Вы сказали «Ну и что же. Если он не может заплатить за хорошего адвоката, черт с ним!» Никакие реактивные доводы здесь не помогут. И разговоры о сублимации не могут оправдать подлости. Остается винить Ваше пристрастие к отвратительной шкале ценностей, которую Вы используете в отношениях с другими людьми? Или объяснять как «неприятие бедности» Ваше поведение в ресторане на улице Альвеар в тот сентябрьский полдень?

Позвольте Вам напомнить, как это было...

Это случилось около двух лет тому назад. Вы обедали с Марией-Еленой, Вашей любовницей, в ресторане на улице Альвеар. Так что, должно быть, дело было во вторник (мне понадобилось немало времени, чтобы узнать, что вторники Вы обычно проводите со своей любовницей). Я смотрел на Вас, сидя за столиком невдалеке, как делал не раз. В тот день в зал зашел мальчик лет десяти и начал предлагать купить розы, подходя к столикам. Он никому не мешал: ни официантам ни Марии-Елене, ни мне... И вдруг Вы закричали: «Официант!» И официант, который Вас всегда обслуживает (и так же боится, как и ненавидит), быстро подошел, и Вы заставили его вытолкать взашей ребенка на улицу.

В психологии, вероятно, есть множество объяснений для подобных поступков, но для Вас у меня есть только одно. Вы подлец, доктор. Такой подлец, что не заслужи наем с права на жизнь.

Вы можете подумать: «А ему-то что за дело?» Но мне есть до этого дело. И даже более того...

Мне есть до этого дело, потому что я тот старичок, которого Вы обрызгали на углу улиц Артигас и Раона пять лет тому назад. Мне есть до этого дело и потому, что я тот, кому каждый день приходилось проходить два квартала назад, потому что не было никакой возможности парковаться на Гурручага и Санта Фе. Мне есть до этого дело, потому что я Ваша жена, доктор, которой хотелось хоть когда-нибудь с Вами вместе пообедать, и потому что я в какой-то степени еще и Ваша любовница, которой, возможно вовсе не хотелось с Вами обедать в какой-нибудь из вторников. Это мое дело, потому что я — невинная жертва, которая поплатилась тюрьмой за то, чего не совершала. Мне есть до

этого дело, потому что я во многом и ребенок, который пытался продать розы в ресторане на улице Альвеар...

От психологов я узнал многое о механизмах мышления. Так что я должен признаться, хотя меня это и огорчает: в конце концов, я такой же подлец, как и Вы. Я такой же взяточник, такой же высокомерный, агрессивный, эгоистичный, корыстный, спесивый, своевольный и ничтожный, как и Вы. В последние годы я стал иногда думать, что Вы — всего лишь часть меня самого. Ужасная часть, которая живет независимой жизнью и в каждом своем проявлении отражает то худшее, что есть во мне.

Долго думая об «инкарнации», «идентификации» и «раздвоении личности», я пришел к выводу, что Вы не только не заслуживаете права на жизнь, но и более того, Вы должны умереть,

Да. Умереть.

Но как?

Кто знает...

Какой способ был бы наиболее подходящим? Несчастный случай? Инфаркт? Самоубийство?

Самым честным способом, конечно, было бы убийство. То есть — чтобы кто-нибудь наконец решил убить в Вашем лице то, что проявляется в каждом из нас.

Вы улавливаете суть моего письма?

Я Вам пишу вовсе не для того, чтобы Вы раскаялись...

Я пишу, чтобы сообщить Вам (поскольку считаю, что Вас это касается): я принял решение Вас убить.

Конечно же — я в этом не сомневаюсь — Вы подумаете о мерах предосторожности: оружие, телохранители, системы оповещения, охрана в доме, досмотр всех Ваших служащих и т. д. Но как долго это может продолжаться? Мне понадобилось пять лет для сбора информации, чтобы вынести Вам справедливый приговор! Я могу подождать пять, десять или двадцать лет до его исполнения... Когда-нибудь охрана окажется уже не такой бдительной, меры предосторожности забудутся и мелочам перестанут придавать значение... И именно в этот момент, сеньор Аянак, я буду Вас поджидать.

Возможно, кто-нибудь засомневается (может, и Вы в том числе) в серьезности этого предупреждения об убийстве... Существуют ли я сам в реальности...

Как знать, может, это говорит голос Вашего раскаяния? Какой-нибудь невежда-психолог может задаться вопросом, не сами ли Вы написали это письмо, чтобы упрекнуть себя в совершении таких низких поступков.

Я с этим не согласен. Я считаю, что Вы абсолютно неспособны к чувству вины.

Я считаю Вас аморальным, в прямом значении этого слова.

Хотя в пользу такого предположения и кое-что говорит, и внушает беспокойство. Полиция сможет доказать, что это письмо было напечатано на Вашей собственной пишущей машинке, которая стоит на письменном столе в Вашем доме в квартале Флорес. Бумага та же, какую Вы используете, и взята из Вашего письменного стола. Если принять во внимание, сколько времени может занять написание этого письма, можно сделать вывод, что единственный, кто мог его написать, не вызывая подозрений, это... Вы сами.

Эта небольшая загадка мне по душе: она придаст концу нашей истории черты детектива, а я их люблю. И пока сохраню в секрете, как это все у меня получилось, чтобы снова Вам написать, если возникнет необходимость сообщить Вам что-то новое.

А пока я прощаюсь с Вами, но прежде хочу кое о чем попросить.

Берегите себя, сеньор Аянак, берегите себя! Мне бы не хотелось, чтобы глупая неосторожность с Вашей стороны или несчастный случай испортили всю мою работу.

Х. М. А.

Иллюзия

Жил-был толстый и некрасивый крестьянин,

который влюбился (а почему бы и нет?)

в прекрасную белокурую принцессу...

Однажды принцесса — кто знает, зачем —

поцеловала толстого и некрасивого крестьянина...

и он, словно по волшебству, превратился

в стройного и статного принца.

(По крайней мере, так ей казалось...)

(По крайней мере, таким он чувствовал себя...)

Воин

«Я могу сказать, что моя любовь не была вечной. Она была огнем, который никогда не гас.»

Винисиус ди Мораес

Гигантское тело шумерского война было испещрено шрамами, а кожа знавала солнце и снег.

Его имя было Хорма. Легенда гласит, что во время путешествия, когда он странствовал с тремя друзьями из города в город, злейшие враги устроили ему засаду. Силы были неравны.

Четыре война яростно боролись, но только одному Хорма удалось выжить. Три его товарища пали в битве.

Изнуренный и истекающий кровью, Хорма понял, что ему необходимо отдохнуть, восстановить силы и залечить раны.

Он осмотрелся в поисках безопасного места и увидел небольшую пещеру в ближайшей скале.

То ползком, то еле передвигая ноги, он добрался до убежища и сразу же разложил на полу свою медвежью шкуру и забылся глубоким сном.

Через несколько часов или, может быть, дней он проснулся от сильного голода.

Его желудок горел! Все еще страдая от ран, Хорма решил пойти поискать сухих дров, чтобы разжечь небольшой костер и в своем временном прибежище и поесть хоть немного соленого мяса, которое у него было с собой.

Когда свет пламени озарил пещеру, воин не мог поверить своим глазам, приют, который он нашел, был не обыкновенной пещерой. Это был храм, выдолбленный в скале....

По надписям и символам шумерский воин догадался, что святилище было возведено в честь одного бога... Бога Готцу.

Хорма привык не верить в случайности и поэтому сразу решил, что его привет к пещере сам Готцу, чтобы охранять его сон.

Хорма понял, что это был знак свыше.

С тех пор он доверил свой меч богу Готцу.

Он решил остаться здесь, пока его раны не затянутся.

А когда вернутся силы, он разведет большой костер под алтарем, увенчанным громадным каменным изваянием с изображением бога, поймает какое-нибудь животное и принесет его в жертву своему спасителю.

Еще пять дней и пять ночей оставался воин в горной пещере, восстанавливал силы и благодарил Готцу.

Все это время он не позволял погаснуть пламени, освещающему алтарь.

На шестой день Хорма решил, что пришла пора продолжать путь, и захотел перед уходом оставить достойный дар Готцу в знак благодарности.

— Вечный огонь, — подумал он. — Но как его достать?

Хорма вышел из пещеры и сел на камень около тропинки, чтобы хорошенько подумать.

Он знал, что небольшое количество масла позволит поддержать пламя какое-то время, но этого было недостаточно.

Он было подумал, что нужно собрать как можно больше дров, столько, чтобы они никогда не сгорели... Но быстро отбросил эту мысль. Он понял, что это не поможет... Большое количество топлива увеличит лишь силу пламени, но не его долговечность...

Монах в белых одеждах, проходивший мимо, остановился возле погруженного в раздумья Хорма.

Из любопытства, а может, из-за удивления при виде война в такой глубокой задумчивости монах сел напротив шумера и, не двигаясь, молча смотрел на него, словно слившись с пейзажем.

Прошло несколько часов. Уже солнце клонилось к закату, а Хорма все еще сидел на камне и продолжал размышлять...

Его так занимал вопрос, что он не слишком удивился, когда монах с ним заговорил:

— Что с тобой, воин? Тебя что-то волнует? Я могу тебе помочь?

— Не думаю, — ответил воин. — Эта пещера — храм бога Готцу, который пять ночей назад стал моим покровителем, предметом моих молитв и символом моей борьбы. Я скоро должен отсюда уйти и хотел бы вечно чтить его. Но я не знаю, как сделать так, чтобы зажженное мной пламя у алтаря горело вечно.

Монах покачал головой и, словно угадав мысли война, промолвил:

— Для того чтобы пламя стало вечным, тебе нужно нечто больше чем древесина и масло...

— Ты знаешь, что мне понадобится? — поспешил спросить воин. — Что же нужно?

— Волшебство, тихо ответил монах.

— Но я не волшебник и ничего не понимаю в магии...

— Только магии подвластно невероятное. Только она может сделать что-то вечным.

— Я хочу, чтобы пламя у алтаря было вечным, — сказал воин. И продолжил:

— Если я овладею магией, ты обещаешь, что пламя в честь Готцу будет гореть всегда?

— Обещать? Неделю назад ты ничего не слыхал об этом храме Готцу, а сейчас говоришь о вечном почитании. Ты этого хочешь сейчас. Но разве ты можешь обещать, что это будет вечным?

Хорма долго молчал.

Воин понял, что никто не может быть уверен в вечности своего желания...

Монах снова покачал головой и поднялся, чтобы продолжить путь.

Он подошел к Хорма и, прижав ладонь к его груди, сказал:

— Я тебе открою один секрет...

Магия имеет силу, пока есть желание!

Протест

И вдруг я услышал звонок.

— Ты здесь? — спросили. — Уже пора!

— Иду, — ответил я автоматически.

— Уже поздно. Поторопись.

Мне это надоело.

Я решил взять молоток и ударить...

Чуть-чуть удачи,

и бесконечные страдания прекратятся.

Было бы прекрасно.

Больше никто не смотрит...

Больше никто не подгоняет...

Больше никакой тюрьмы!

Когда-нибудь все узнают о моем поступке...

Когда-нибудь кто-то сделает так же...

А затем еще кто-то...

И еще...

И многие набрались бы храбрости.

Надо навсегда покончить с ними.

Отделаться от них, какие бы они ни были...

И вдруг я понял, что моя мечта несбыточна.

Наше рабство вошло в нашу жизнь...

Мы создали себе оковы

и теперь без них не можем жить.

Необходимо это признать...

Мы уже не сможем жить без часов!

Мечты-семена

В 1980 году я познакомился с некоторыми книгами Иры Прогофф и с его блестящей метафорой о дубе и желуде. Эта мысль возникла после прочтения его работ.

В тишине размышлений я воспринимаю
свой внутренний мир
похожим на семя,
которое кажется маленьким и незначительным,
но в то же время полно возможностей.

И я вижу в нем зародыш великолепного дерева,
дерева моей жизни в непрерывном развитии.

Едва зародившись, каждое семя несет в себе
дух дерева, в которое оно превратится.

Каждое семя знает, как стать деревом,
попав в плодородную почву.

Поглощать питательные соки,
расправлять ветви и листву,
покрываться цветами и фруктами,
чтобы дать то, что может.

Каждое семя знает, как стать деревом.

И семян столько, сколько у нас желаний.

Внутри нас множество порывов
ждут часа, когда их раскроют,
чтобы пустить корни и родиться.

Вновь умереть семенами...

чтобы превратиться в деревья.

Красивые и гордые деревья

скажут нам твердо,

чтобы мы услышали голос своей души,

чтобы прислушались

к мудрости нашей мечты, которая еще только зреет.

Мечты освещают нам путь,

указывают курс и подают сигналы.

Они проявляются

в каждом поступке и в каждый момент,

меж предметов и людей,

и в скорби и в радости,

в победах и поражениях,

Мечты учат нас, во сне или наяву,

видеть себя,

слышать себя,

понимать.

Указывают нам путь мимолетными озарениями

или ослепляющим светом молний.

И так мы растем,

развиваемся,

становимся умнее...

И пока мы идем

по этому вечному настоящему под названием жизнь,

семена наших желаний
превращаются в деревья,
расправляют свои ветви,
которые, как гигантские крылья,
взмывают в небеса,
одним взмахом объединяя
наше прошлое и будущее.

Не стоит бояться...

Мудрость их не оставит...

Потому что каждое семя знает,
как стать деревом.

Эпитафия на смерть необычного человека

28 ноября 1984 года.

Сегодня умер человек.

Этот человек был моим другом.

Ему было 35 лет.

С точки зрения статистики он был слишком молод, если учесть среднюю продолжительность жизни.

Он прожил достаточно времени для того, что он сделал, и совершенно недостаточно для того, на что он был способен.

Он был интересной личностью, но вдобавок еще и очень необычным человеком. Мнения о нем расходятся: одни считали его невыносимым педантом, а другие уверяли, будто он обладал блестящим умом и недостатком скромности, как это часто бывает у гениев. Я же, знавший его лучше всех, могу сказать, что он не был ни гением, ни педантом. Он был человеком, который получал удовольствие от того, что делал. Он называл себя гедонистом и, следовательно, жил, работая себе в радость.

Наверное, это безудержное стремление к действию и стало причиной одной большой проблемы в его отношениях с окружающими. Все казались ему слишком медлительными и пассивными, и по какой-то причине, о которой я могу догадаться, он постоянно

находился среди людей, не отличавшихся особой живостью ума, и беспощадно их критиковал. Чтобы попытаться объяснить такое поведение, — а может быть, для того, чтобы оправдать друга, — я предположу, что он всю жизнь не только не считал себя гением, но и подозревал в глубине души, что был глупцом, бестолочью, никчемным человеком, неспособным ни к какой творческой деятельности.

Моему другу была больше по душе зрелищность действий, а не действия сами по себе. Его любовные увлечения должны были быть страстью. Широта его интересов безгранична. Его увлечения ни с чем не сравнимы. Его энергия неисчерпаема. Вот почему он был замечательным профессионалом: психотерапевтом, владевшим техникой катарсиса. Он, как никто другой, мог снимать стресс, занимаясь любимым делом. (Я спрашиваю себя, нашел ли он то, что искал? К тому же он постоянно жаловался, что не может найти подходящего врача. Возможно, ему требовался такой же врач, каким был он сам...)

Как бы там ни было, он был замечательным человеком. Как не полюбить того, кто полностью отдавался любому затеянному делу, важному или незначительному, с одинаково безудержным и подчас нелепым энтузиазмом?

Была и другая сторона у этой яркой личности. Другое, более патетическое, как он выражался, видение ситуации... Возможно, наименее привлекательной чертой его характера или же (почему бы и нет?) движущей силой его поступков было вот что:

Этому человеку все очень быстро надоедало.

Становилось скучно.

Скука. Наверное, именно она определяла жизнь моего большого друга и товарища. Увлеченность сменялась усталостью от людей, работы, спорта, манеры одеваться и говорить. Откровенно говоря, ему наскучило собственное существование. Но, несмотря на это, сегодня, когда пришло время подвести итоги, я должен признаться: было и то, что ему никогда не надоедало. Он жил для этого и ради этого, со всей страстью, с которой он наслаждался всем остальным. Ясный образ, встающий перед глазами: он и дети. Я никогда не видел, чтобы он уставал, раздражался от общения со своими детьми или не хотел их видеть.

(Может быть, с ними у него просто не было времени на тоску? К счастью, мы уже никогда об этом не узнаем.)

Без сомнения, этот человек любил своих детей больше всего на свете. Не знаю, любил ли он кого-нибудь, как своих детей? (Не «так, как», а именно «как» своих детей.) Более того: любил ли он кого-нибудь по-настоящему? (В том смысле, в котором он понимал слово «любить»?) То есть: принимал ли он кого-нибудь без оговорок? Это и есть загадка. По моему скромному мнению, он любил до тех пор, пока... ему не начинал нравиться кто-то другой. Потому что, как только это происходило, любовь, благодущие и щедрость,

казалось, испарялись и их место занимали отвратительные требования, нездоровые надежды и самые низкие страсти...

Если есть сомнения в том, любил ли он, то нет никаких сомнений, что он никогда не чувствовал себя по-настоящему любимым.

За спиной у этого «всемогущего» человека, сильного, неуязвимого, «пандорного» (позволим себе этот неологизм), прячась в тени этого всеобщего любимца, шел совсем другой человек, его второе «я». Тайно, словно мрачный мистер Хайд, только не жестокий, а нуждающийся в расположении к себе. Другой человек, со множеством недостатков, слабый, требовательный, надоедливый и несчастный. Нелюбимый, неуверенный в себе, неудовлетворенный... Этому человеку понадобилось больше чем полжизни, чтобы встретиться лицом к лицу со своим затаившимся Эго. И, наконец, ему повезло: не из-за храбрости, поскольку храбрым он не был, а из-за упрямства... Когда после двадцати лет поисков он обнаружил себя самого (или решил, что обнаружил), он понял также (или решил, что понял) и то, что другие (те, кого он любил) продолжали желать, чтобы он оставался прежним. Тем, каким он был до встречи с самим собой.

И он отступил.

Он согласился вечно исполнять роль супергероя, вынужденный стойко отрицать мрачные стороны своей души.

Даже он сам не знал, как сумел добиться того, что никогда ни на кого не рассчитывал. «Рассчитывал» в том смысле, как он понимал это слово, то есть безоговорочно. В глубине души он был уверен, что никто не может рассчитывать на другого человека безоговорочно, но в то же время он никак не мог избавиться от этих нелепых поисков того, к чьей груди он бы мог преклонить уставшую голову, закрыть глаза и успокоиться.

Сегодня я позволю себе сказать то, что никогда не говорил ему в глаза:

Ты никогда никому не доверял

Мне не хочется так думать, ведь он был таким дружелюбным и всегда готовым помочь. Кто из вас, оставшихся в живых, может утверждать, что он был вашим другом? Многие могли бы причислить его к своим друзьям, но кто осмелится утверждать, что эти отношения были взаимными? Откровенно говоря, думаю, что никто, поскольку сомневаюсь, чтобы он, несмотря на внешнюю открытость, был способен доверять окружающим. Не из-за недостатков других. Он был просто на это неспособен.

Я могу представить, что однажды он кому-то оказал доверие.

Возможно, как-то раз, давным-давно он понадеялся на кого-то...

Понадеялся, а его обманули...

Но какое же это нелепое оправдание!

Что меняет это предположение? Почему человек из-за этого должен постоянно носить «маску»? Может быть, это снимает с него ответственность за неспособность удержать друзей (Кроме одного, который, впрочем, эмигрировал.) Или это позволяет закрыть глаза на его причастность к той «неудаче».

Если бы он это услышал, он бы отказался от понимания, сочувствия или жалости...

Сколько неясностей осталось в этой запутанной жизни!

Одной из таких загадок была его семейная жизнь. Что связывало этого человека с женой? Что он к ней чувствовал? Смерть унесла ответ на этот вопрос.

Верно лишь то, что до дня своей смерти он продолжал жить вместе с ней.

Было бы слишком просто думать, что он оставался с ней ради детей.

Было бы неверно думать, что он был абсолютно счастлив в браке.

Было бы наивно полагать, что он был (или считал себя) неспособным соблазнить или быть соблазненным другой женщиной.

Было бы глупо признать, что он не давал себе отчета в происходящем или отрицал это...

Итак, он остался из-за любви к этой женщине или был прикован к ней своими страхами?

Любой, кто спросил его об этом, узнал бы, что он ее сильно любил. Но никто не мог понять, до какой степени. Любил ли он ее в минуту своей смерти? Думаю, что да. Однако ее образ был поглощен его нерешенными делами или той жизнью, которую он ей когда-то предоставил, или его ролью в этих отношениях. А она, в свою очередь, была поглощена досадой и опустошена его чрезмерными требованиями. Я утверждаю это с полной уверенностью, поскольку думаю, что жизнь с ним не могла быть ни легкой, ни приятной.

Тем не менее сейчас, рядом с усопшим, мне хотелось бы лишь поговорить о нем как о муже. А он считал себя отличным мужем (по крайней мере, до того, как ему все надоело и он перестал бороться, или, вернее, предоставил бороться именно ей) Он считал, что вынес невыносимое, пережил все и сделал максимум возможного, и все для того, чтобы они стали идеальной парой.

Однако у них не хватило времени. Этот глупец постоянно перекладывал ответственность за свои неудачи на жену. И, справедливо это или нет, скончался с мыслью, что она была не в состоянии справиться с обстоятельствами.

В течение последних лет он копил злобу и обиду, которые омрачали его жизнь... И ни разу не нашел тихой заводя, где мог бы отмыть эту грязь, накопившуюся за годы.

Важнее знать, что гораздо больше, чем любовь, была его привязанность к этой женщине.

Потому что нет никаких сомнений, что он никогда ни к кому не был привязан так, как к ней. Никогда!

И, может быть, именно в этом и была проблема.

Только ей он предоставлял сомнительную привилегию видеть себя таким, каков он есть.

Только ей он показывал свои самые слабые стороны.

Но она не смогла принять и вынести все это.

А если и могла, то не захотела... А если и захотела, то он никогда об этом не узнал.

Зачем же он продолжал эти отношения? Он знал и всем повторял: одной любви недостаточно! И что же...?

Страх!

Вполне возможно, ключ к разгадке многих странных поступков и ответ на загадку «неразрываемых» семейных отношений — страх. Насколько увлеченно и без оглядки он занимался своей работой, насколько был смел в своих поступках, настолько же слаб и нерешителен он был внутри себя.

Как-то мне пришла в голову мысль, что его диагноз скорее связан с фобиями, нежели с чем-либо другим. Я давно понял, что его истерики, несомненно, были позой, защитным механизмом или, в лучшем случае, — выражением желания. Этот человек бы скован страхами. Начиная с дурацких и банальных (например, он хватался за сердце при ночном телефонном звонке) до панической ужаса при мысли о том, что с его детьми могло что-то случиться (кашля или головной боли у ребенка было достаточно, чтобы лишить его отца сна или, по меньшей мере, спокойствия). И между двумя крайностями, между серьезным и надуманным — страх смерти... Собственной смерти. Страх, сопровождавший его до последнего дня, разрушивший большую часть его жизни. В последнее время он вел себя как ипохондрик, неотступно следящий за своим дыханием, сердцебиением, мышечными болями или за любой реакцией кожи или слизистой оболочки. Ему было неловко от этого, возможно, потому, что он знал: момент, стоивший ему жизни, будет скрыт за его постоянным страхом болезни. Возможно, его хандра была пророческим предвосхищением смерти? Было ли это беспокойство его психологической особенностью или

предчувствием? Сейчас, так как «потом» для него уже больше не будет, это беспокойство кажется неважным. Если посмотреть на эту историю в ретроспективе, ранняя смерть тоже может быть истолкована как естественный и, может быть, даже желанный результат огромной затраты энергии... Но он не хотел умирать.

По крайней мере, он больше хотел жить, чем умереть. Несмотря ни на что, этот человек наслаждался жизнью и был уверен, что его близкие наслаждаются его обществом. Но заметьте: го взаимное удовольствие сохранялось только при отношении «на расстоянии».

И причиной всему была его ненавистная привычка, или лучше сказать — ужасная приверженность: пристрастие к откровенности. Окружающие не привыкли к этому и не собирались привыкать. И эта нелепая мания искренности доставляла ему множество неприятностей. Если он говорил: «Я хороший врач» ему приклеивали ярлык хвастуна.

Он не сторонился проблем, которых другие избегали, — люди же подтрунивали над его «всемогуществом».

Он гордился вполне заслуженными успехами, а все вокруг считали его тщеславным.

Он говорил в лицо. — «Я не хочу тебя видеть», а собеседник в ответ называл его склочником.

Он переставал ходить туда, куда ему не хотелось, и прослыл необщительным. Он отказывался лгать, и его осуждали за жестокость. Он не хотел быть «как все», потому что не хотел затеряться в толпе, а все обвиняли его в том, что он хочет быть в центре внимания.

Как ни странно, но это так...

Он, медик, психиатр, психотерапевт, психоаналитик, аналитик, специалист по коммуникативным отношениям, гештальт-психологии и более или менее проницательный наблюдатель... и все же, как ни странно, никогда не понимал людей!

Что осталось от путешествия по жизни этого человека?

Стоило ли ему жить?

У него остались дети, и уже это его оправдывает.

Он оставил после себя много или мало (я думаю, что много) того, что сказал, чему научил и чем помог своим пациентам.

Не забыто и его дело, которым занимаются другие медики, а также то, чему они у него научились (или, во всяком случае, говорят, что научились).

Остался немалый капитал, о котором он так заботился в последние годы.

Остались его идеи и неповторимая манера изложения.

Остается память о его хорошем настроении, о его улыбке и оригинальности.

Остается уверенность в том, что можно и «необходимо» бороться за собственные убеждения.

Здесь покоится тот, о ком можно сказать,

не боясь ошибиться:

«Он сделал все возможное, чтобы стать счастливым...

и ему это удалось!»

Возможно, после всего сказанного приобретают смысл слова, которые он сам просил написать на своей могильной плите:

«Счастье — это уверенность в том, что ты на верном пути».

Место в лесу

В октябре 1996 года я поехал в Нью-Йорк, чтобы начать 47-й год своей жизни вместе со своим «братом по жизни» Йошуа. Его родной брат Давид подарил мне эту хасидскую сказку, и я решил рассказать ее тебе на прощание.

Эта история об одном известном хасидском раввине: Баал Шем Тове.

Баал Шем Тов был очень известен среди своего народа. Все говорили, что он настолько благочестивый, добрый, целомудренный и честный, что Бог слушал его слова, когда тот говорил.

В городке, где он жил, сложилась такая традиция: все, у кого были неисполненные желания или несбывшиеся мечты, шли к раввину.

Баал Шем Тов принимал всех один раз в год, в день, который выбирал он сам. И приводил их в одно место в лесу, известное ему одному.

Легенда гласит, что там Баал Шем Тов разжигал особенным способом яркий костер из веток и листьев, а затем читал молитву тихим голосом, словно для себя самого.

И как говорят...

Богу нравились слова Баал Шем Това, он так был очарован искусно разожженным костром, так любил людей, собравшихся в том месте в лесу... что не мог отказать в просьбе Баал Шем Тову и исполнял желания всех, кто находился рядом с ним.

Когда раввин умер, люди поняли, что никто не знал слов, которые произносил Баал Шем Тов, когда о чем-то просил Бога.

Но они теперь знали то место в лесу и умели зажигать огонь. Один раз в год, следуя традиции, основанной Баал Шем Товом, все, у кого были неисполненные желания и несбывшиеся мечты, собирались в том самом месте в лесу, разжигали огонь так, как их научил старый раввин, и, не зная слов молитвы, пели какую-нибудь песню или псалом. Иногда они просто смотрели друг на друга и о чем-то говорили, собравшись на этом же месте вокруг костра.

И как говорят...

Богу так нравился разведенный костер и это место в лесу, и те, кто там собирались... что, хотя никто не произносил нужных слов, он все равно выполнял желания всех присутствующих.

Прошло время, и от поколения к поколению мудрость все забывалась...

И вот пришли мы.

Мы не знаем, где это место в лесу.

Мы не знаем слов...

Мы даже не знаем, как зажечь огонь так, как это делал Баал Шем Тов...

Однако кое-что нам известно.

Нам известна эта история.

Нам известна эта сказка.

И так говорят...

*Бог так любит эту сказку,
ему так по душе эта история,
что достаточно, если кто-то ее расскажет
и кто-то ее услышит,
и тогда Он, довольный,
выполнит любую просьбу
и исполнит любое желание
всех, кто разделит с ним это мгновение...
Пусть так и будет...*

Три истины Вместо послесловия

В поисках истины все мы встречаемся на своем жизненном пути с различными идеями. Они постепенно прорастают в нашем сознании и овладевают нами, создавая на некоторое время нашу систему взглядов.

Однако потом часть этих истин отбрасывается — или потому что надобность в них отпала, или они не выдерживают наших сомнений. А может быть, потому что новая истина, овладевшая нами, несовместима с предыдущими и соперничает внутри нас за «место под солнцем». Или же просто потому, что эти истины перестают быть важными для нас. И мы теряемся. В любом случае, суждения, на которые мы опирались, ставятся под сомнение. Представьте себе, что, встав у руля своего парусника, осознавая все свои возможности, вы никак не можете выбрать верный курс.

Мне вспомнилась книга Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц».

Помните?

«Во время путешествий по маленьким планетам своей галактики он встретился с Географом, который отмечал в большой регистрационной книге горы, реки и звезды.

Маленький Принц захотел внести туда свой цветок (тот, что оставил на своей планете), но Географ сказал ему:

— Мы не записываем цветы, потому что нельзя записывать эфемерное.

И Географ объяснил Маленькому Принцу, что „эфемерный“ значит находящийся под угрозой скорого исчезновения.

Услышав это, Маленький Принц сильно опечалился. Он понял, что его роза эфемерна...»

И я задал себе вопрос: существуют ли истины, незыблемые, как скалы, и неизменные, как привычный пейзаж за окном? Или же истина столь же эфемерна и хрупка, как сорванный цветок?

В масштабе макрокосмоса это может звучать так:

— Разве горам, рекам и звездам тоже не угрожает скорое исчезновение?

Что значит «скоро» в сравнении с «всегда»?

И не выходит ли в таком случае, что горы — тоже эфемерны?

Мне хотелось бы попытаться написать о некоторых идеях-горах, идеях-реках, идеях-звездах, с которыми я встречался на своем пути.

Некоторые из этих истин, безусловно, кажутся другим спорными. Может быть, однажды они станут таковыми и для меня. Но сейчас они, на мой взгляд, целостны и достоверны, и более того, их можно подвергать беспристрастной оценке — они выдерживают испытание с точки зрения здравого смысла.

1. Первая истина составляет неотъемлемую часть философии гештальт-терапии, это мысль о том, как узнать, что:

То, что есть, есть.

Я пишу это и думаю, как разочаруется читатель: «То, что есть, есть!» В этом и заключается истина?

Это суждение мы часто не принимаем во внимание, несмотря на его очевидность. В нем содержатся три важных элемента, которые, как мне кажется, необходимо отметить: во-первых, знание «то, что есть, есть» означает, что мы должны принимать поступки, события, ситуации такими, какими они являются.

Реальность не такая, какой мне бы хотелось ее видеть.

Она не такая, какой должна быть.

Не такая, какой, как мне сказали, она будет.

Не такая, какой была.

Не такая, какой будет завтра.

Реальность вокруг меня такая, какая есть.

Мои пациенты и ученики, услышав, как я повторяю это утверждение, усматривают в нем какое-то смирение, покорность, нежелание быть в бойцовой форме.

На мой взгляд, необходимо всегда помнить, что изменения могут возникнуть только тогда, когда мы осознаем настоящее положение вещей.

Как можно определить маршрут в Нью-Йорк, если не знать, в какой точке Вселенной ты находишься? Я могу отправиться в путь только из конкретной точки, будь то место на карте или точка отсчета моего пути. И это означает принятие ситуации такой, какая она есть.

Вторая часть этой истины, напрямую связанная с первой, такова:

Я тот, кто я есть.

И еще раз:

Я не тот, кем хотел бы быть.

Я не тот, кем мне следовало бы быть.

Я не тот, кем бы моя мама хотела, чтобы я был.

Я даже не тот, кем был.

Я тот, кто я есть.

Кстати, по моему мнению, все наши душевные муки и раны — результат отрицания определенного положения вещей. Все наши неврозы начинаются, когда мы пытаемся изменить себе и стать не теми, кто мы есть.

В книге «Я хочу рассказать вам о...» я писал о самоотрицании:

...Все началось тем серым днем, когда ты перестал гордо говорить:

Я ЕСТЬ...

И, стыдливо, с опаской

склонил голову и поменял

свои слова и действия

на ужасные мысли:

МНЕ СЛЕДОВАЛО БЫ БЫТЬ...

...И если трудно принять, что **я тот, кто я есть**, то насколько же порой сложнее принять третью часть истины, которая следует из суждения «то, что есть, есть»:

Ты... тот, кто ты есть.

А именно:

Ты не тот, каким мне хотелось, чтобы ты был.

Ты не тот, кем был.

Ты не тот, кем мне было бы удобнее тебя видеть.

Ты не такой, как я хочу.

Ты тот, кто ты есть.

Принять — это значит уважать тебя и не требовать от тебя изменений.

Недавно я вывел для себя определение настоящей любви, любить — это значит **бескорыстно создавать условия для того, чтобы другой был тем, кто он есть.**

Это суждение — начало (во всех смыслах этого слова, то есть первое и главное) любых зрелых отношений. Когда я принимаю тебя таким, какой ты есть, и понимаю, что и ты принимаешь меня таким, какой я есть.

2. Вторая истина, крайне важная для меня, ведет свое происхождение от суфийской мудрости:

Ничто хорошее не дается даром.

И отсюда следуют, на мой взгляд, по меньшей мере, два вывода:

Первый:

если я хочу, чтобы в моей жизни произошло что-нибудь хорошее, я просто обязан знать, что за это придется платить. Конечно, это не всегда деньги (иначе как все было бы просто!). Цена эта иногда непомерно высокая, иногда — необыкновенно низкая, но она всегда есть! Потому что **ничто** хорошее не дается даром.

Второй:

необходимо понять, что, если я получаю извне что-то хорошее, если со мной происходят радостные и приятные события, — это потому, что я их заслужил. Я заплатил за них, я их **достоин**. (Только для того, чтобы предостеречь пессимистов и обескуражить ловкачей, поясню: за то хорошее, что со мной происходит сейчас, я уже заплатил. И не может быть оплаты в рассрочку!)

Некоторые, услышав это, спросят:

А как же плохое?

Разве оно тоже дается не даром?

Если со мной происходит что-то плохое, это в ответ на содеянное? Я этого заслужил?

Возможно, что это и так. Однако я говорю только о тех истинах, которые для меня бесспорны. Об универсальных истинах, истинах без исключений.

И для меня утверждение: «Я заслуживаю всего, что со мной происходит, в том числе и плохое» не является таковым. Это не всегда так.

Я могу заверить вас, что знаком с некоторыми людьми, пережившими невзгоды и потерпевшими те или иные неудачи совершенно незаслуженно.

Принять эту истину (**ничто хорошее не дается даром**) — значит навсегда распрощаться с детским представлением о том, что кто-то мне что-то должен, потому что я этого хочу. Представлением о том, будто жизнь должна мне дать то, что я хочу, «только потому, что я этого хочу». Просто потому что мне должно сказочно повезти.

3. Третью истину, на которую необходимо опираться, я бы изложил так:

Никто не может сделать всего, что он хочет,

НО

каждому по силам никогда НЕ делать того,

чего он НЕ ХОЧЕТ.

Я повторяю для себя:

Никогда не делать того, чего я не хочу.

Принять это утверждение и жить, следуя этому принципу нелегко. Такое тоже не дается даром. Напоминаю — ничто хорошее не дается даром. И это хорошо.

Что я имею в виду? Если я взрослый человек, то никто не заявит меня делать то, чего я не хочу. Самая высокая цена, которую я могу за это заплатить, — цена моей жизни.

Я понимаю, что жизнь — самое важное, что у меня есть, и ни в коей мере не умаляю ее ценности. Но все же я считаю, что думать: «Я не буду делать те или иные вещи» совсем не означает того, что мне это будет стоить жизни. Одно не всегда связано с другим, и между этими утверждениями не стоит знак равенства.

В повседневной жизни обычно цена вопроса намного ниже. Единственное, что действительно необходимо, — отказаться от того, чтобы ждать от окружающих похвалы, одобрения, любви. Иногда это бывает очень неприятно. Часто цена, которую приходится платить, когда решаешься сказать «нет», — это открывать неприглядные стороны в своих друзьях, смотреть, как они поворачиваются к тебе спиной, затылком и другими частями тела... видеть, как они уходят.

Три эти истины для меня — идеи-горы, идеи-реки, идеи-звезды.

Истины, которые не зависят ни от времени, ни от обстоятельств.

Это те принципы, которые относятся не к какому-то определенному моменту времени, а к каждому мгновению, к тому, что в совокупности мы называем «наша жизнь».

ИСТИНЫ-ГОРЫ даны нам для того, чтобы построить свой дом на прочном фундаменте.

ИСТИНЫ-РЕКИ, чтобы утолить нашу жажду и плыть по ним в поисках новых горизонтов.

ИСТИНЫ-ЗВЕЗДЫ, чтобы они указывали нам путь даже в самые темные ночи...